



— Еще раз спрашиваю: в лесу родилась елочка? В лесу она росла?

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

КРОКОДИЛ

№ 36 (1794) • ГОД ИЗДАНИЯ 44-й • 30 ДЕКАБРЯ 1965

Юрий БЛАГОВ

ВООБЩЕ И В ЧАСТНОСТИ

В Новый год — все жанры в ход,
Вплоть до панегрика,
В Новый год душа поет
Даже у сатирика.
Можно с радостью в душе
Спеть о разной разности
Патетично — вообще,
Иронично — в частности.

Да простят мне в этот раз
Темы всем известные:
За прилавками у нас
Всюду люди честные.
Но иной сидит в ларьке
И боится гласности,
Он торгует — вообще
И ворует — в частности.

Подхалим большую прыть
Счастливы обнаруживать,
Он не столько рад служить,
Сколько рад прислуживать.

Вечно в дикой суете,
Предан не без страсти
Государству — вообще,
А начальству — в частности.

В брак вступил юнец Антон
С перезрелой Кириой,
Потому что он пленен
Кириной квартирой.
Я об этаким хлыще
Так скажу для ясности:
Любит женщин — вообще,
А с квартирой — в частности.

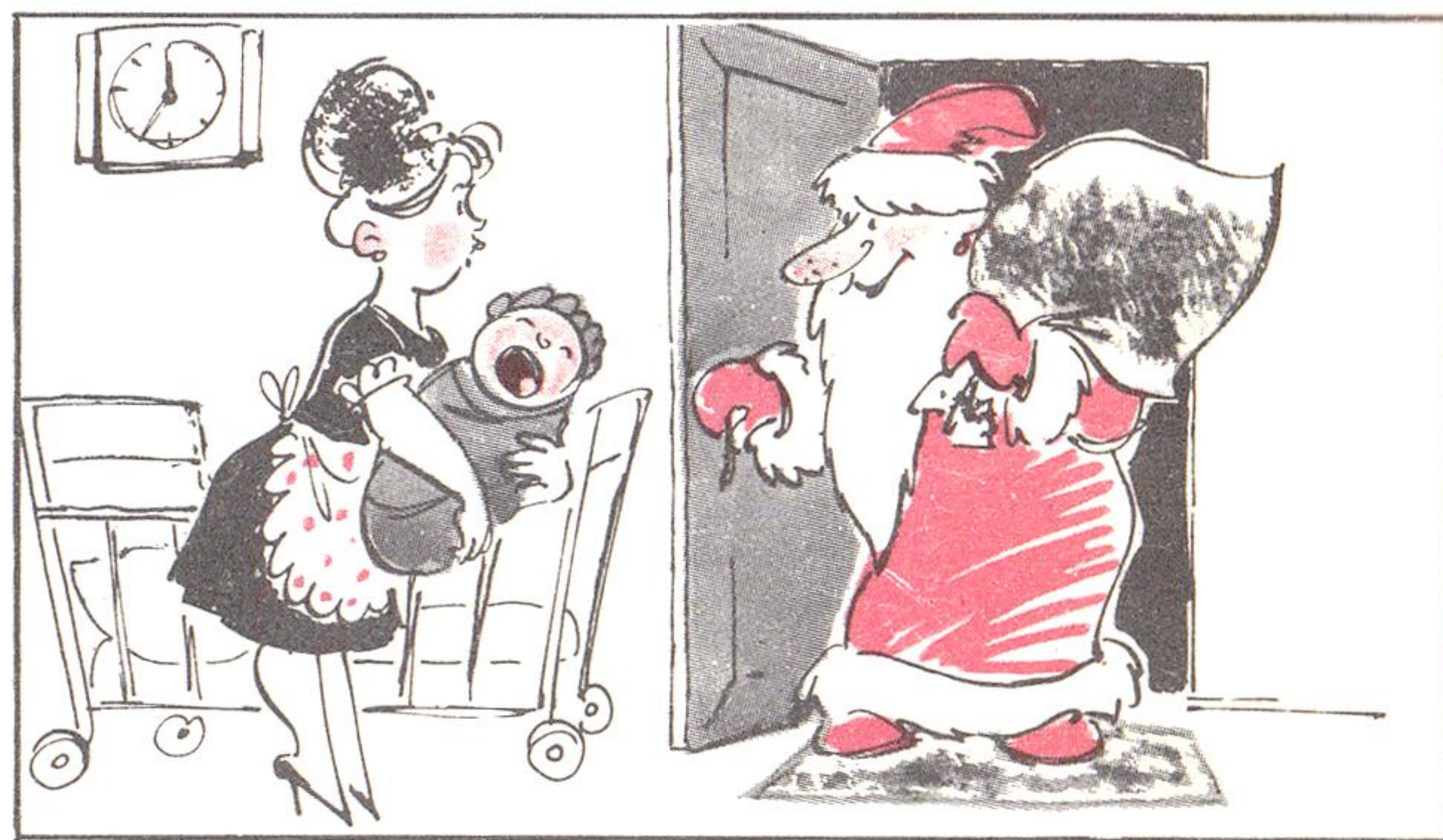
Новый год всегда несет
Радость обновления,
Как приятно в Новый год
Слышать поздравления.
Жить с большой мечтой в душе,
Празднично без праздности
Всем желаю — вообще,
Вам желаю — в частности.

Дмитрий ПОЛИНИН

УЛЫБКА

В Ташкенте снег!
Слепит прохожих
Сложнейшая
Под Новый год
И так как
Назначим
Улыбок,
Как манна с неба...
белизна.
проблема снега
разрешена.
есть все основания
вместе
вкруг стола,
нежное свиданье
песен и тепла.

Вот с вас — веселый танец либо
Рассказ,
чтоб в зале вызвал смех.
А с вас —
полдюжины... улыбок.
И так решительно со всех.
Сегодня
праздничная дата
И для друзей
и для подруг...
Смеются
даже кандидаты
Наисерьезнейших наук,
Ученый
что ни есть лобастый,
Чабан, рабочий, шелковод...
А хорошо бы
улыбаться
Не только в праздник —
круглый год.



— Дедушка, посидите с ребенком!



— А подарки оставьте себе...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ



— Подвези, на маскарад опаздываю!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

СНЕГ С НЕБА

В середине декабря уходящего года сложилось острое положение со снегом.

Что-то там заело в небесной канцелярии. Произошла какая-то неувязка. И в результате на земле ждали снега, как благоденствия. Но ждали напрасно.

Теперь представьте себе Новый год без снега. Елку без снега. Снегурочку без снега. Ерунда, а не Новый год!

А любители всяческих слухов между тем уже нашептывали:

— Слышали? Нет и не будет снега-то! Всю зиму не будет. Все запасы израсходованы. Дождь, пожалуйста, идет, а вот снега не ждите.

Ну, люди разные. Многие на слухи ох как падки! Раз нет снега, бросились за заменителями.

В аптеках, естественно, тотчас исчезла вата. Заодно хватили зубной порошок: сыпать вокруг елки.

Спрос на снег был так велик, что дрогнули даже иные руководители ателы и комбинатов бытового обслуживания — повесили объявления: «Изготовление снега из снежинок заказчиков».

Непростительно отставала государственная торговля. Впрочем, там, хоть и с опозданием, наладили все же продажу уцененного снега: прошлогоднего.

Как водится, появились отдельные спекулянты на временных трудностях. Они торговали импортным снегом из-под полы.

— Видали, какая выделка? Не тает и не желтеет! Берите, не прогадаете.

И вот в тот момент, когда базарные цены на снег равнялись уже цене билета на концерты парижского мима, когда иные бойкие снегоцианты выстроили на дефицитных осадках дачи, когда создали научно-исследовательский институт по изучению отсутствия снега (г. Сочи), в этот самый момент с неба вдруг повалил белый, пушистый, высококачественный снег отечественного производства.

В неограниченном количестве!

МИМОХОДОМ

Дети пели: «В лесу родилась елочка...» А елочка-то была синтетическая.

— Поживи с мое, юноша! — сказала Снегурочка Деду Морозу.

В. КАНАЕВ

Начальник украшал елку своим присутствием.

— Я еще совсем трезвый, чтобы мне с места не встать!

И. НОРИНСКИЙ

Проводы Старого года так затянулись, что опоздали на встречу Нового.

— Встречу Нового года ориентировочно назначим на 31 декабря...

С. МАРКОВ



Не устоял...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПОДАРКИ



— Вот этого я не учел!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

КАК ПОГИБ

Поговорим о приятном.

В новогоднюю ночь как-то не принято ругаться. Кроме того, к концу года уже неумолимо изобретать гадкие эпитеты и есть рыбу, пополняя умственный фосфор. В ночь, когда дед-мороз высыпает из валенок бриллиантовый нафталин, хочется говорить и писать о приятном.

В конце концов сатирика тоже имеют право на свой глоток из новогодней чаши. Им тоже хочется создать что-нибудь положительное, светлое. Чтобы никто не посмел упрекнуть сатирика в стремлении нажить за счет «жареного» факта.

Но сначала это были только мечты. А на суровом письменном столе вместе с новогодними поздравлениями лежал сам «жареный» факт. Точнее, письмо из Краснодарского края, подписанное В. В. Миусским, М. М. Рудаковым и В. А. Агением. И от этого письма не веяло елочным ароматом. Не вдохновляло оно на святочный очерк. Оно извещало о безобразиях, имевших место в поселке Нижнебаканском.

Как сообщали тт. Миусский, Рудаков и Агений, в этом поселке было два предприятия: Нижнебаканский известковый завод (в дальнейшем

именуемый просто заводом) и Нижнебаканский известково-алебастровый комбинат (ниже для краткости называемый комбинатом).

Известковый завод с его шестьюстами рабочими вырабатывал следующую продукцию:

- известь комовую и молотую;
- стеновые блоки;
- камень бутовый.

В свою очередь, известковый комбинат (карликовый по сравнению с заводом) занимался выдачей на-гора принципиально иных продуктов, а именно:

- бутового камня;
- блоков стеновых;
- молотой и комовой извести.

Кроме того, и завод и комбинат дробили щебену обыкновенный.

Расстояние же между ними было таково, что если бы внутризаводская междоусобица вдруг переросла в вооруженный конфликт, то бойцы обоих предприятий смело могли бы метать друг в друга камень бутовый из небольшой катапульты и вручную сыпать известь молотую в глаза атакующих.

Нечего и говорить, что каждое из

„ЖАРЕНЫЙ“ ФАКТ

этих предприятий обладало своим и, конечно же, вполне суверенным, управленческим аппаратом.

«Любой бы удивился,— писали в «Крокодил» тт. Миусский, Рудаков и Агений,— если бы узнал, что эти заводы не объединены, хотя и подчинены одному и тому же Министерству сельского хозяйства РСФСР...»

В интересах точности авторы письма указывали, что это подчинение шло через разные инстанции. Завод находился в вассальной зависимости от Управления стройдеталей и лесозаготовок с резиденцией в Москве. А комбинат получал направляющие инструкции и циркуляры от треста «Сельхозстройматериалы» со штаб-квартирой в Краснодаре.

«Вот уж действительно,— восклицали критики,— нарочно не придумав, так транжирить государственные средства! А с 1 января, после введения новых оптово-отпускных цен, комбинат вообще становится убыточным предприятием!..»

В самом деле, затраты на один рубль товарной продукции составляли по заводу шестидесять пять копеек, а по комбинату — восемьдесят пять из-за того, что на комбинате и труба была пониже и дым пожже: уровень

механизации невысок, да и транспорт не свой, а привлеченный.

Короче говоря, «жареный» факт уже лежал на сковородке. Оставалось только лично проверить его и на этой основе сочинить соответствующий фельетон.

Я ехал в Краснодарский край, ел в вагоне-ресторане треску и придумывал ядовитые эпитеты.

Однако по приезде на место выяснилось, что «жареного» факта больше нет. Был факт «жареный», а стал вареный или пареный.

Выяснилось, что Министерство сельского хозяйства РСФСР буквально на днях издало приказ об объединении двух предприятий в один Нижнебаканский известковый завод. Кончилась грандиозная тяжба, продолжавшаяся не один год. Кончилась хорошо, по-государственному, и более нет нужды тратить умственный фосфор, язвительно живописуя борьбу административных титанов. И это очень приятно. И опять захотелось хотя бы на минутку заправить вечное перо чернилами идеально голубого цвета. Впрочем, за неимением таковых в товаропроводящей сети дальнейшей ешесть обыкновенными синими. А жаль. Ведь в Нижнеба-

канском свершилось еще одно весьма отрадное событие.

Дело в том, что авторы письма в «Крокодил», то есть товарищи Миусский, Рудаков и Агений, оказались соответственно директором, главным инженером и начальником цеха Нижнебаканского известково-алебастрового комбината.

Именно он будет теперь поглощен новым заводом, как планктон, и тогда тт. Миусский, Рудаков и Агений уже не будут соответственно директором, главинжем и начальником цеха.

Эти люди вызвали огонь на себя. На свое благополучие, наконец! При чем сделали это, находясь в трезвом уме и твердой памяти.

И это наталкивает на некоторые новогодние размышления.

Другие, видя безобразие с двумя заводами, помалкивали бы себе в тряпочку. Другие, будучи опубликованы о безобразиях фельетон, написали бы в гробовую полночь опровержение: «Дела на нашем комбинате идут хорошо. А фельетонист ухватился за «жареный» факт и охал предприятие, каковое...»

А эти, по сути дела, сами срубили под собой сук. Чем им было плохо? Ничем. Наоборот, это теперь им станет, возможно, хуже. Зато государству станет определено лучше. «За счет сокращения административно-управленческого персонала покроеется девятнадцать тысяч рублей убыт-

ков по комбинату, а общая сумма экономического эффекта будет весьма ощутимой».

Все трое — коммунисты. Все трое влюблены в производство, фигурально говоря, как мать в дитя. Все трое с полной отдачей будут трудиться на любых других постах.

Кстати, о трудоустройстве. Рудаков и Агений получили назначения на новый известковый завод. Некоторое время не решен был вопрос о Миусском, бывшем директоре. Но выручил, к счастью, камень бутовый. Нашелся путеводный документ — постановление руководящей инстанции, коим предусматривается должность «зама» на предприятиях, имеющих плановый объем добычи бутового камня свыше ста тысяч кубометров в год...

Напоследок я осматривал предприятие. Было шумно и пахло метрополитеном. Готовые стеноблоки ехали куда-то на миниатюрных тележках. Под ногами хрустела известь комовая. Возможно также, что это была известь молотая. Или сам всемогущий камень бутовый. Спросить я не успел.

Да и неважно это, поскольку исполнилась новогодняя мечта — написать о приятном.

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент
Крокодила

пос. Нижнебаканский,
Краснодарского края.

УЛИТКИ

Отнюдь не в пику праздничным речам мой новогодний тост не «за», а «против»: он против всяких [как бы побороть их] ракушечных, улиточных мещан.

Ракушка — в словаре жилье моллюска. А в нем моллюск — малюсенький жилец. Ему не тесно, не темно, не узко, не криво и не низко, наконец.

Ракушкой он свой мир предельно сузил: и дом и мир — как совмещенный узел.

Он знает все в масштабах той ракушки, как в келье замурованный монах: он сам себе Наполеон и Пушкин... Он сам себе шахтер и космонавт...

Какая от него природе польза, и для чего коптит он белый свет! КрадетсЯ по земле, рожденный ползати, и оставляет липкий, скользкий след.

А рожки на макушке, словно уши. Не верь: они для формы, просто знак. Он ко всему на свете равнодушен. Сонливо-равнодушен, как слизняк!

Не худо б извести его и прочих, кто в наши дни — моллюск, слизняк, нарост...



Мой новогодний тост не «за», а «против»! Он против равнодушия, мой тост!

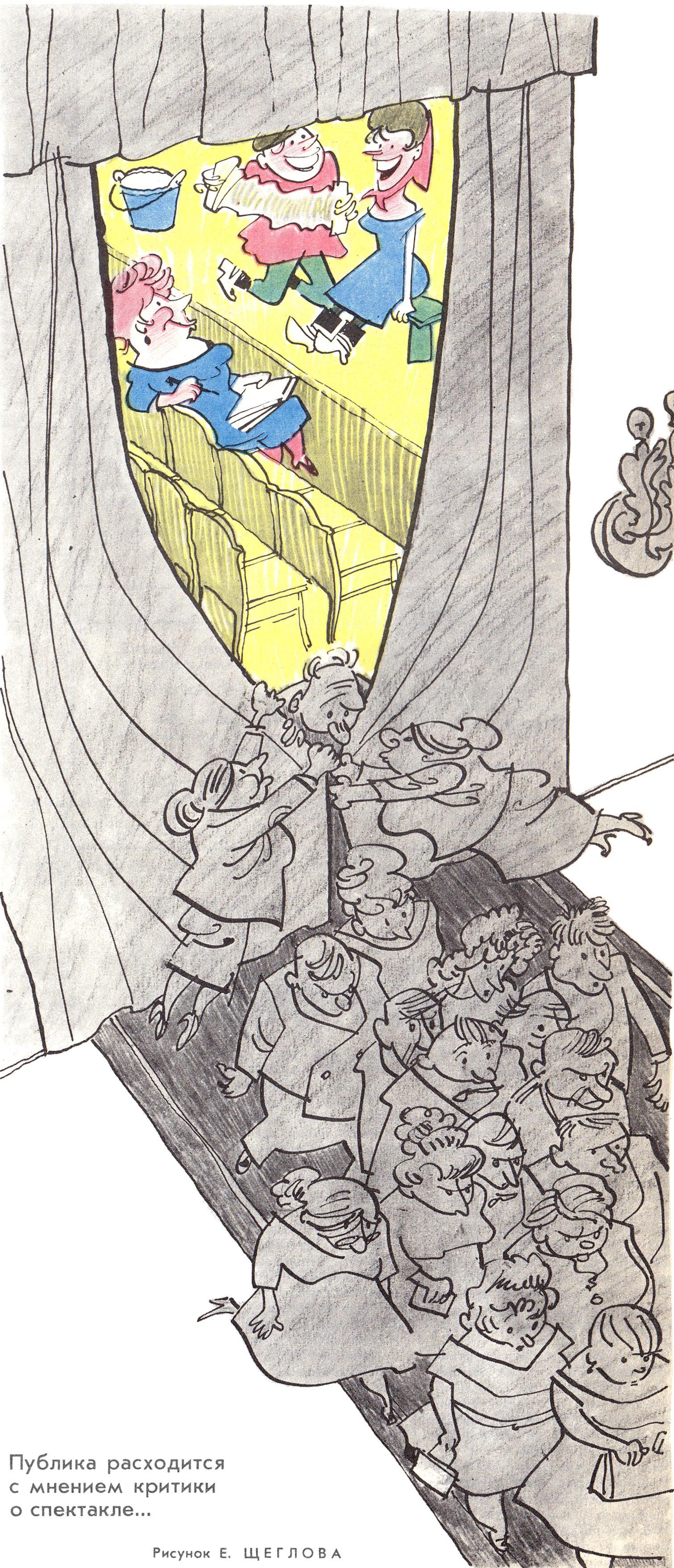


Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Публика расходится с мнением критики о спектакле...

— Скажу прямо: я недавно потерял свой моральный облик. Да, как говорится, моя репутация дала крен. Эх, да чего там!..

Расскажу по порядку. Значит, еще полгода назад я работал в городе Семигорске техником треста «Облгорстройкройдрайсараи». Неплохо работал. Вот моя трудовая книжка, здесь все сказано: награды, поощрения, премии...

По семейным обстоятельствам я должен был переехать в Москву. Подал заявление, уволился по собственному желанию. На прощание управляющий нашим «Облгорстройкройдрайсараем» пожал мне руку, сказал:

— Надеюсь, товарищ, вы и дальше будете работать так же честно и самоотверженно, как в нашей системе. Желаю вам успехов и здоровья... Не знаю, будут ли у меня успехи, но со здоровьем пока неважно. Тик появился, внутри что-то щелкает, и правая нога не участвует как надо...

А почему? Тогда, при увольнении, главный бухгалтер нашего «Облсараи» приказал счетоводу учинить со мной расчет. Учинили. Я получил что положено, расписался. Со всеми сослуживцами попрощался за ручку и уехал. Кажется, хорошо, да? Не тут-то было!

Уже в Москве получаю открытку из Семигорска: главный бухгалтер «Облгорстройкройдрайсараи», с которым я тоже прощался за ручку, пишет мне: «Расчет с вами по вине счетовода Нюниной С. П. произведен был неправильно, вам причитается с треста еще 23 копейки. На тов. Нюнину наложено взыскание, а вам надлежит явиться в трест для получения означенных 23 копеек». Я еще, помню, посмеялся над этой открыткой... Думал: «Чудак какой главный бухгалтер: поеду я за этими копейками из Москвы в Семигорск... Хе-хе-хе...»

Н-да... В чудаках-то оказался не бухгалтер, а я... Нет, вы не думайте: я сразу ответил туда, в этот «Облсараи»: «Приезжать не собираюсь, если можете, переведите почтой; а нет, спишите их совсем, мои 23 копейки».

Не тут-то было! Приходит второе письмо: «Почта не принимает перевод на 23 копейки. Что же касается вашего незаконного предложения списать 23 копейки, то мы ставим вас в известность, что это — уголовно наказуемое деяние: никто не дал нам права недоплачивать трудящемуся, то есть лично вам, 23 копейки, но и никто не дал вам права дарить подобную сумму государственному учреждению, которому никто не дал права приходить незаконно поступившие деньги». И главное дальше: «В случае, если вы будете упорствовать в неполучении причитающихся вам 23 копеек, мы принуждены будем принять строгие меры к получению вами с нас упомянутых 23 копеек. Главный бухгалтер Долбилин».

Я тогда не понимал, что меня ждет... Я только посмеялся над вторым письмом. А меня уже вызывают в местком на моей новой работе. Председатель месткома выгнал всех из комнаты, дверь — на замок, предложил мне сесть, сам сел, помолчал, поглядел на меня каким-то таким особо вдумчивым взглядом, потом вынул из ящика стола бумажку, прочитал ее раза три, мне не показывая, и только потом сказал:

— Ладно, друг, рассказывай, только честно: что ты там натворил, в Семигорске?

— Я? Натворил?! Ну, темнить теперь уже нечего. Сигнал на тебя у нас имеется...

Вы слышите, товарищи: сиг-нал! Я просто завизжал: Какой еще сигнал!?

— Тихо! Здесь общественная организация. Думал, что тебя в Семигорске отучили от этих эксцессов...

— От каких эксцессов! Хотя бы эти твои визги. Что у тебя там было? А? Небось, моральное разложение?

Я отвечаю ему сдержанно:

В. АРДОВ

СИГНАЛ

РАССКАЗ



— За что? Перед каким судом?

— А это там уже установят. В общем, пока ступай. Местком еще вернется к вопросу о твоём неприглядном поведении.

Как я от него вышел, не помню. И не помню, как я очутился на почте, где отправлял авиаказанное письмо этому Долбилину. Я тогда еще надеялся, что он меня помилюет, Долбилин... Ха-ха! Сколь я был наивен!

Ну, все я вам рассказывать не стану. Сослуживцы, особенно женщины, постепенно перестали со мной здороваться. Мою кандидатуру отвели на выборах в культмассовую комиссию при местком... Потом меня вычеркнули из списков на коллективную встречу Нового года.

А бухгалтер Долбилин в ответ на мою душераздирающую просьбу прекратить травлю написал в милицию. Вызвали меня в отделение по месту жительства, и сам начальник начал беседу вот так:

— Ну-ка, признайтесь чистосердечно: сколько за вами осталось казенных денег в Семигорске?

— Что вы! Товарищ капитан! Ничего я не должен!

— Так. Говорите, денег не значит? Значит, имущество похитили?

— Какое имущество? Они еще мне остались должны!

— А-а-а-а... старая история: увез государственное добро, а теперь придумывает, что это в зачет долга... Подпишите вот это — насчет невыезда из города. Пока вы свободны, дома на досуге подумайте...

А ведь я жениться хотел. На Светочке Караваевой. Но добрые люди сигнализировали на меня ее мамаше. И вот я прихожу к ним, Света выбегает ко мне со своими лучистыми глазами и румянцем во всю щеку, а ее мамаша загораживает мою любимую собственной персоной и топает на меня ногами:

— Вон из этого чистого дома! Света, не смей на него смотреть, у него где-то там, в Барнауле или в Ташкенте, обнаружили целый гарем! Вон отсюда, я кому сказала!?

И я, пятась задом, ухожу. А что мне остается делать?

И вы знаете, к счастью, при этом уходе Светин дядя меня ударил по лицу. Я ему так благодарен, вы себе представить не можете!.. А как же? Теперь-то у меня есть на кого подать в суд!

Ведь до пощечины на кого бы я мог жаловаться? За что? На Долбилина? Так он же хлопочет насчет законности. Все остальные только проявляют бдительность по сигналу. А вот дядя Сергей Степанович — тот меня конкретно стукнул при свидетелях. Никогда не забуду этого благодеяния! В суде будет слушаться дело об оскорблении действием, а попутно суд разберется во всем: и в моем моральном облике, и в 23 копейках, и во всех сигналах, разговорах, отводах...

Может быть, Светлана еще выйдет за меня замуж. Может быть, меня выберут членом культкомиссии месткома... Вообще я надеюсь, что ко мне вернется мой незапятнанный моральный облик...

— Хочешь — впутывайся, не хочешь — не впутывайся, — ответил черт, спокойно выкопывая серу из-под ногтей.

«Что за дьявольскую шутку он приготовил?» — подумал я. Черт не проявлял ко мне никакого интереса.

— Я должен что-нибудь украсть? — спросил я.

— Твое дело, — бросил он коротко. — Наверно, ты бы хотел, чтобы я спился? — не унимался я.

— Спивайся, если хочешь, — сказал черт. — Отговаривать не стану.

— Понимаю! — догадался я. — Ты хочешь толкнуть меня на распутство. Полутьма, упительная музыка, безумства...

— Э-э-э! Какие там безумства... — с отвращением отмахнулся черт. — Скука!

— Скука? — удивился я. — По-моему, очень даже приятно!

— Извините, кто кого здесь искушает? — запротестовал черт.

— Действительно, — согласился я. — Ведь это ты должен меня искушить, чтобы я согрешил.

— Что касается меня, то я не очень в этом заинтересован, — сказал черт. — Хочешь грешить — греши, а

— Да не было у меня разложения! Понимаете: не было!

— Ясно. Думаешь: переехал в другой город, так и концы в воду?.. Ну, выкладывай: что там было конкретно? Пьянство? Карты? Или с бабами запутался?

Я нашел в себе силы засмеяться.

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...

— Ой, боюсь, это вам Долбилин сигнализирует насчет тех двадцати трех...

Я хотел сказать «двадцати трех копеек», но меня не дослушали.

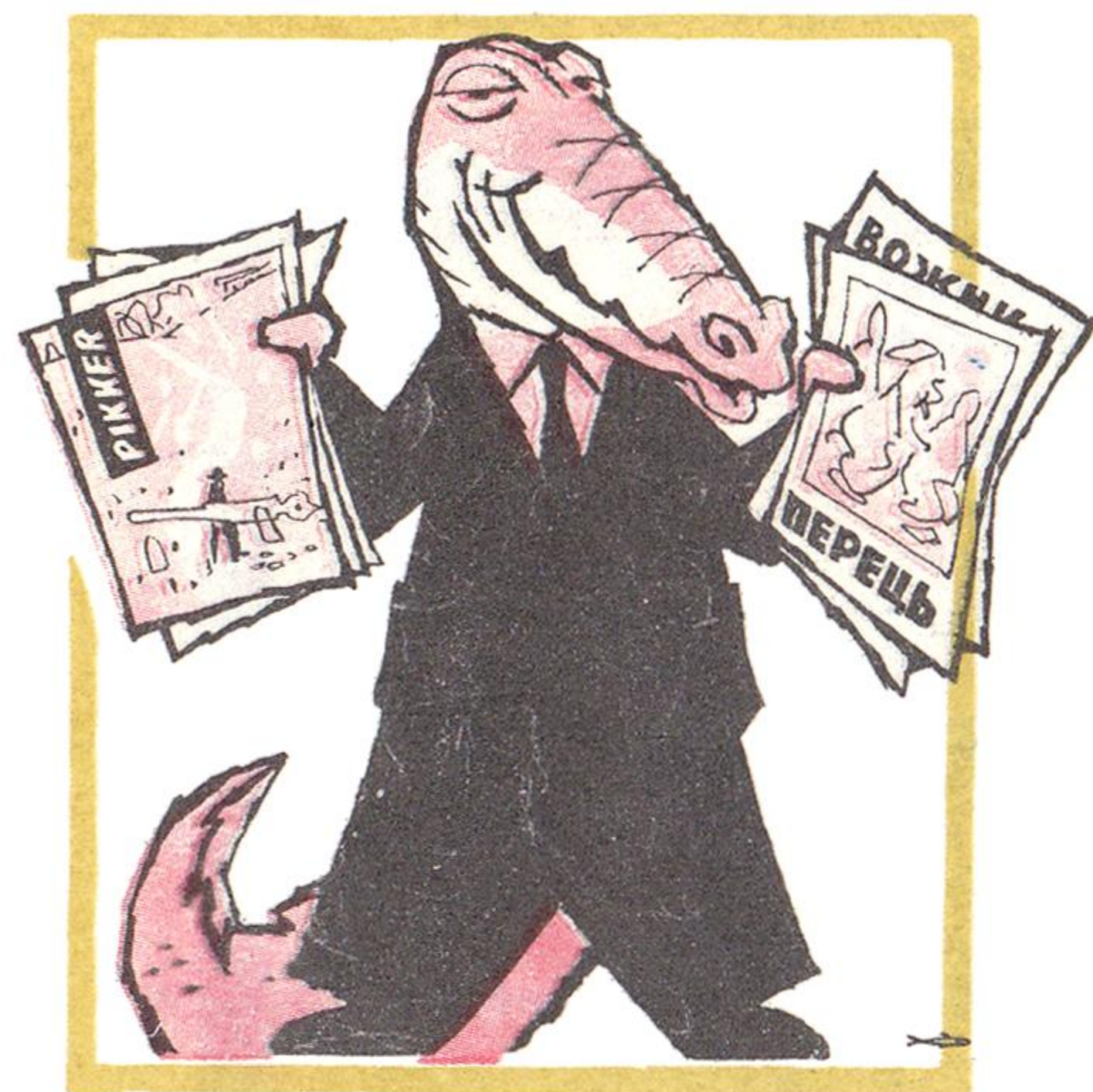
— Фью!.. Двадцать три бабы у тебя было?.. Да, это многовато!

Я кричу: — Да не бабы, не бабы, двадцать три копейки!

— Какие копейки?

— Остались! Даже не за мной, а там остались, за ними!

— Мало того, что ты кого-то там бросил в Семигорске, так еще нахально требуешь с них какие-то копейки! Имей в виду: такого разврата мы не потерпим. Либо ты поедешь в Семигорск, предстанешь перед судом...



Перед Новым годом подводят итоги. Бухгалтеры составляют финансовые отчеты. Транспортники суммируют тонно-километры. Банно-прачечные тресты сплосовывают человеко-помывки, выводят годовые затраты стирального порошка и кракмала.

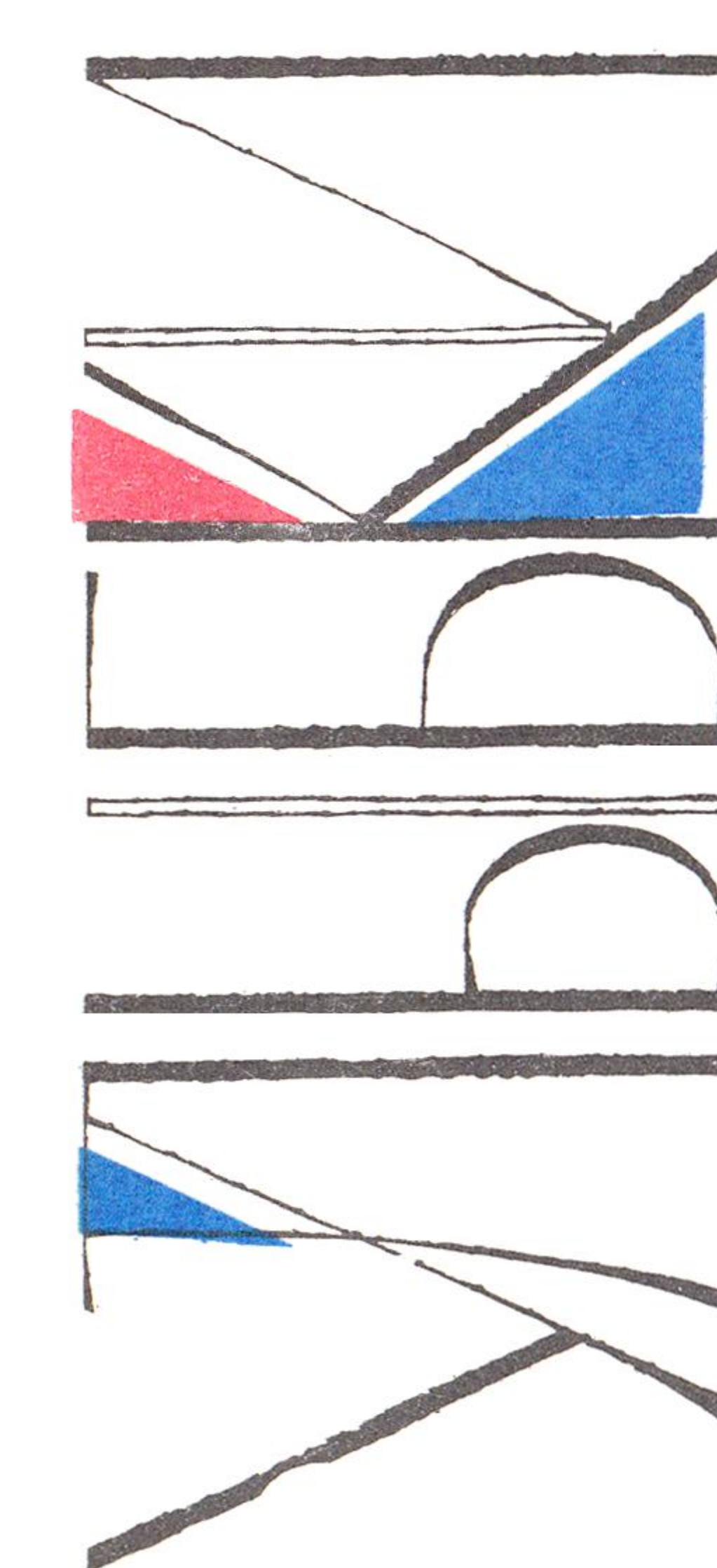
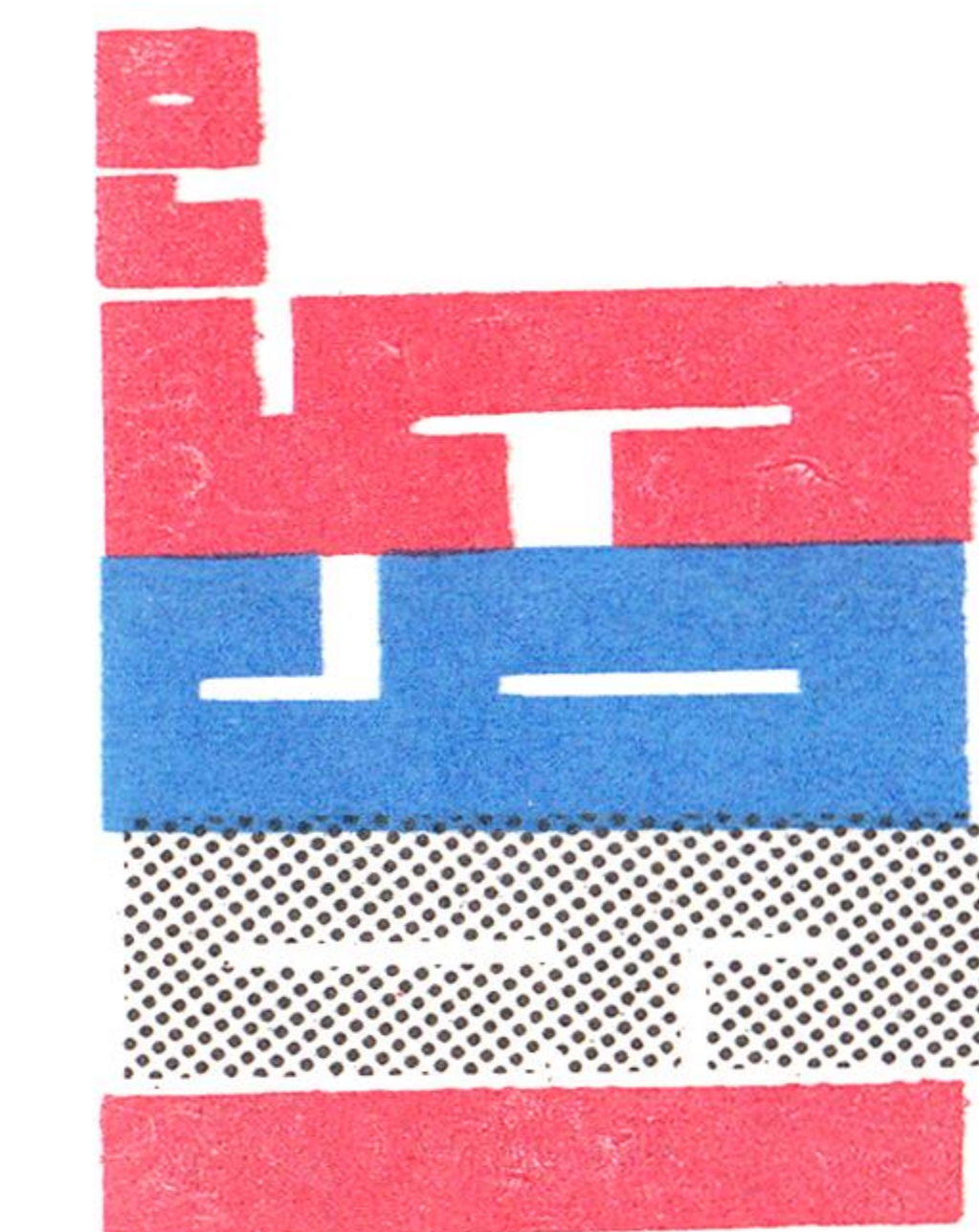
А мы тоже стали почесывать в затылке.

Какой бы нам-то итог подвести? И решили подбить общий годовой итог выдачи на-гора всяческой смешной всячины.

Как вы уже, конечно, догадываетесь, из этой фантастической затеи ничего не вышло, поскольку в минувшем году газеты, журналы, кино, радио, телевидение, театры, эстрада, цирк словно бы решили состязаться в наилучшем, так сказать, юмористическом обслуживании населения.

И это приятно. Это радует всех поклонников нашего жанра, которых миллионы и миллионы. И, конечно, заставляет мастеров и мастеровых сатирического цеха еще взыскательнее относиться к своему нелегкому ремеслу.

А что же все-таки нам оставалось делать? Мы решили выбрать из журналов крупницы сатиры и юмора, которые хоть в какой-то мере давали бы представление об улыбаках минувшего, 1965 года. И предлагаем их вниманию читателя.



А. ЯХИН

ВЫГОВОР

Меня пригласил к себе директор:

— Возлагаю на тебя ответственную работу, товарищ Фахретдинов: новогоднюю елку привезти надо.

Я взял машину и тут же поехал в лес. Походил-побродил и выбрал самую густую, самую красивую елку. Бережно погрузил ее и столь же бережно повез: ни одной иголочки не потерял.

— Красивую, очень красивую елку ты нашел! — одобительно похлопал меня по плечу директор. — Только знаешь, друг, не громоздкая ли она? Видишь, верхушка упирается в потолок. Гм... как же быть? Постой, постой! Есть выход! Отнесем эту елку ко мне, а мою елку поставим сюда в зал. Хотя и жаль мне менять ее, но чего не сделаешь для коллектива!

Ташу я директорскую елку в зал, а на встречу главный инженер.

— Чудесная елка! — крепко пожал он мне руку. — Только... только мне кажется, что ветки слишком раскидистые. Наш зал и так мал, и если поставить ее, то, пожалуй, возле нее не покружишься. Что же делать, а? Может, притащить сюда мою? В обмен, так сказать. Конечно, супруга моя вряд ли одобрит такой вариант. Но, сам понимаешь, в интересах коллектива нужно уметь жертвовать личными интересами.

Посмотрел на привезенную от главного инженера елку главбух и восхищенно щелкнул языком.

— Какая ладненькая! Какая стройненькая! Однако сдастся мне, что она... того... немного коротковата. К тому же, видать, уже не первой свежести. Вот что! Возьми, братец, да отнеси ее ко мне, а мою поставь в зал. Моя елка хоть куда: и цвет приятный и высота — в самый раз! А я уж как-нибудь! Квартирка-то у меня малогабаритная.

Долго изучал привезенную от главбуха елку главный механик.

— Молодец, Фахретдинов! Выбор твой вполне одобряю. Только веток маловато. А на сохранившихся ветках иголок совсем нет. Но ты не волнуйся. Моя жена достала с боем на базаре замечательную... Нет, не елочку, а сосенку. Давай обменяемся!

Сосенку установили в зале.

— Ну что за уродина! Чем кружится вокруг нее, лучше в пустом зале сидеть! — слышались возмущенные голоса.

Я решил не обращать внимания на эти ехидные возгласы. Мало ли кто что скажет!

После праздника меня снова пригласили в директорский кабинет. Там сидели сам директор, главный инженер, главбух и главный механик. Лица их были мрачнее тучи.

Ф. МАКИВЧУК

Перчинки и смешинки

КОНЬЯК ВЛИЯЕТ НА ЗРЕНИЕ

Беседуют двое. Один в зеленой шляпе, другой в синем берете.

— Никогда не пейте, Степан Иванович, самогона, — говорит зеленая шляпа. — Гадость, какой еще свет не видел. Ужасно скверно на почки влияет.

— Да что вы, Иван Степанович! — удивляется синий берет. — Я всю свою сознательную жизнь пью только самогон, и, как видите, черт меня не взял.

— А я этой гадости в рот не беру, — говорит зеленая шляпа.

— Что же вы пьете? — интересуется синий берет.

— Пью только «КаВеКа», — отвечает зеленая шляпа.

— А я на коньяк смотреть не могу, — заявляет синий берет. — Коньяк страшно влияет на зрение.

— Кто это вам наплел такие глупости? — возмущается зеленая шляпа.

— По себе знаю, — говорит синий берет.

— Ну, парень, даже с таким пустячным делом, как доставка елки, не справился. Краснеть нас заставил! Эх, недотепа!

За обман доверия мне вцепили строгий выговор.

(«Чайка», г. Казань)

В. КОСТЫРИН

ЖАЛОБА

Директор продовольственного магазина сидел за столом бесстрастный, как судья. Перед ним стояла совсем еще молоденькая продавщица.

— Расскажи, как это произошло, — спокойно произнес директор и кивнул на раскрытую книгу жалоб, лежавшую на столе.

— Вчера я торговала латвийской селедкой, — деловито начала продавщица. — Сначала все шло хорошо. Селедка нарасхват. А потом попался один покупатель скандальный. Заметил, как я нажимаю пальцем на чашку весов. Стал кричать... Потребовал жалобную книгу. Пришлось дать книгу. Вот и все.

— Нет, не все, — возразил директор. — Полагается ответить покупателю, какие меры приняты по его жалобе. Например: продавец такой-то получил строгий выговор или уволен с работы.

— Я на все согласна. Что заслужила, то и получу.

— В данном случае можно ограничиться предупреждением, поскольку это первый сигнал в твой адрес и, надеюсь, последний.

— Я тоже надеюсь.

— Напрасно ты дала жалобную книгу этому гражданину.

— Я не хотела давать, да он оказался работником милиции.

— Нужно было сказать ему, что книга заперта у директора в кабинете, а его нет сегодня.

— Ладно, в следующий раз я так и сделаю. Никому больше не дам эту книгу, пусть хоть сам прокурор требует.

— Ну, прокурору-то можно, с ним надо похорошему, а рядовому работнику совсем не обязательно книгу давать. Соображать надо! И наконец самое главное. Скажи, тебя учили, как нужно работать за прилавком?

— Учили. Аккуратно нужно работать.

— Вот именно... В следующий раз жми на весы незаметно! Сколько тебя можно предупреждать!..

И директор, укоризненно покачив головой, записал ответ на жалобу: «Меры приняты. Продавец строго предупрежден».

(«Юность», г. Москва)

Как только на цену гляну, у меня сразу в глазах темнеет.

КАКОЙ ОН ЕСТЬ?

Он всегда хвалится:

— В своей жизни я не сделал людям ничего плохого.

И ни разу не сказал, что же он сделал людям хорошего.

НОВАЯ РУБРИКА

В некоторых газетах и журналах появилась рубрика: «Книги, которые еще не вышли». Под этой рубрикой иногда сообщается о таких новинках, что лучше бы было ставить над ними рубрику в такой редакции: «Книги, которые, к счастью, не вышли».

От этого выиграли бы и литература и читатели.

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Он так строго придерживался правил хорошего тона, что даже у себя дома принимал ванну только в трусах.

(«Перець», г. Киев)



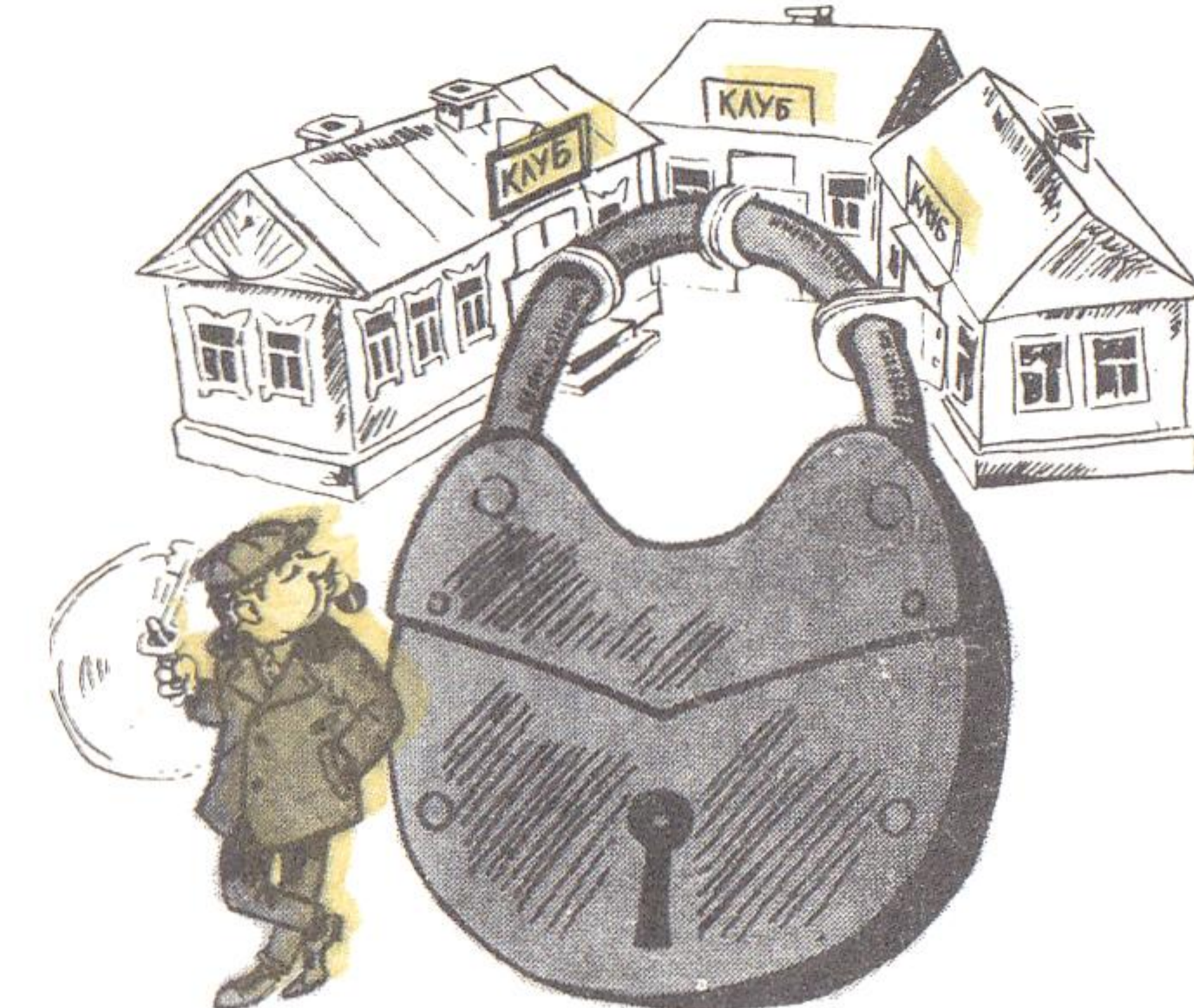
— Бабуля, мне из-за тебя поставили двойку по арифметике. Теперь к тебе прикрепили двух отличников, чтобы ты подтянулась.

Рисунок А. ВАСИЛЕНКО («Перець», г. Киев)



— Ты не мог бы закончить свой роман к зиме?

Рисунок А. ДЕЛТУВА («Пиккер», г. Таллин)



Замок для сокращения штатов в сельских клубах.

Рисунок А. БЫКОВА («Капкан», г. Чебоксары)

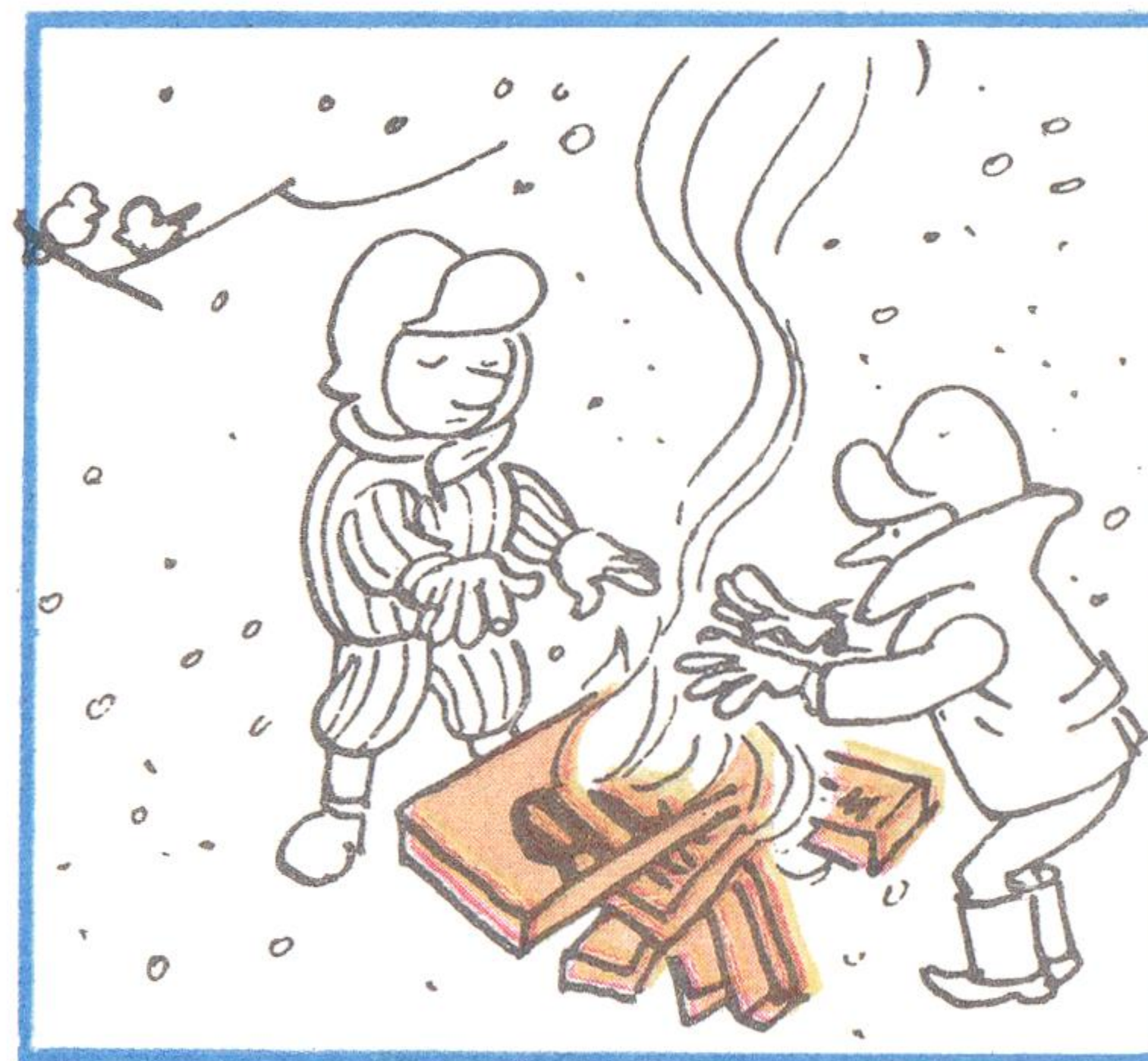


Рисунок С. РОМАНОВА («Вожык», г. Минск)



— И все-таки не купишь электрополотер?

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА («Нианги», г. Тбилиси)

ОПЯТЬ ЗЛОУМЫШЛЕННИК



— Гражданин Иванов! Десятого июля сторож Акинфов застал вас у чужого трактора за отвинчиванием гайки. Так ли это было?

— Ну, так.
— Объясните, зачем вам потребовалась гайка?!

— Кабы не нужна была, не отвинчивал бы. — А все-таки?
— Экое дело! От одного трактора отвинчивал, к другому привинчивал.

— Вон как! Теперь понятно, почему в страдную пору простаивает сельскохозяйственная техника.

— Как вы сказали?

— Я говорю, вот из-за таких, как вы, казахстанская целина недодает стране хлеб. Он гибнет в поле, приходится просить помощи механизаторов с Поволжья, с Украины. Вы понимаете, во что это обходится государству?

— Это мы понимаем. Потому и отвинчиваем. Чтобы ускорить, значит.

— Так нельзя же этого делать! Это же преступление!

— Ха, куда хватили! Уж сколько лет целыми бригадами не только гайки, а и трактора начисто раскулачиваем, и никто не только не наказывает, а еще и хвалят — за находчивость! А то подумаешь — гайка! Если бы я ее ребятишкам на забаву или на грузило, скажем, приспособил, тогда другой спрос. А то ведь для дела же! Ну какой в нем толк, в тракторе, если он без гайки? Разве потянет?

— Чудная вы голова! Ведь гайку можно взять на складе, попросить у товарища.

— На складе гайки нет. А у товарища не выпросишь. Стоять без дела, когда хлеб сохнет, — вот это преступление. Да и ребятишкам

на молочнишко заработать опять же следует. А как же?! Их тоже обусть-одеть надо. Нет, лучше уж где ни то гайку стащить, чтобы только дело не стояло.

— Гражданин Иванов! Вы же знаете, к чему ведет это отвинчивание. Отвинти две-три гайки — трактор попадет в аварию. Тракторист ведь может погибнуть. Вот вам и жертва. Вы понимаете, что может случиться! Кто тогда в ответе?

— Это мы понимаем...

— Кто это «мы»?

— Механизаторы то есть. Мы ведь не одну-две гайки отвинчиваем, а все как есть, без остатка. И вентиляторный ремень забираем и подшипники. Все под корень, остаются только рожки да ножки. То есть выхлопная труба да колеса. Потому как на складе никаких запчастей нет. Вот так и работаем.

— Хватит, доработайтесь. Я должен взять вас под стражу.

— Как это под стражу? Мне некогда, товарищ следователь, у меня работа на поле стоит. Хлеб-то, его вовремя убрать надо. А коли действительно виноват, можно бы посадить и после уборочной. А ежели вы опасаетесь, что убегу, могу и расписку дать. Зимой другое дело. Делов серьезных нет. Сиди себе на здоровье.

— Как это зимой дела нет? А ремонт машин?

— Да что же ремонт?! Это не ремонт, а одна показуха. Опять же с одного места отвинчиваем, на другое привинчиваем. Для отчета только.

— Замолчите!

— Я и так молчу. А только я к тому это, чтобы хоть расчет получить, ребятишки ведь, товарищ следователь.

— Это меня не касается. Уведите его! Иванова ведут к двери.

— Это что же за порядок?! — бросает у выхода Иванов. — Начальство безобразит, а тракторист — отвечаи! Мы же стараемся, и нас же под стражу. А за хлеб кто отвечать будет?! Нет, ты сначала заведи на склад запчасти, а потом и спрашивай!

(«Шмель», г. Алма-Ата)

2, 4, 8 и т. д.



— Я брошу пятнадцатикопеечную, вы мне дайте десять копеек и...

— Вам сколько билетов?

— Два.

— И я хочу два.

— Значит, нам обоим нужно четыре. В таком случае самым простым вариантом будет, если вы бросите десять, я брошу две и дам вам еще четыре копейки. Таким образом, я плачу шесть копеек, и вы платите всего шесть копеек.

— Как, как?

— Сейчас объясню: дайте вашу десятикопеечную, вот мои две копейки, я их бросаю и затем даю вам еще четыре копейки, таким образом я плачу всего шесть копеек, а вы платите...

— Подождите, сначала оторвите, а потом поговорим.

— Давайте оторвем... А здесь нечего рвать!

— Как нечего? Подождите... Действительно нечего...

— Видимо, испорчено. Тогда возьмите ваши две копейки и верните мне мои четыре.

— Я ведь дал вам десять!

— Разве вы дали не две?

— Нет, дорогой, я дал вам десять.

— Да нет, что вы, вы дали две; потому что я должен был бросить двенадцать копеек, то есть мои десять и ваши две, и должен был вернуть вам четыре копейки, таким образом, я платил шесть копеек, и вы такие платили шесть...

— Да нет, что вы, я действительно дал вам десять...

— Как десять, когда я дернул в руке двухкопеечную?

— Я дал десять, слышите, десять!

— Так что ж, получается, что я украл ваши восемь копеек?

— Не восемь, а десять...

— Да как ты смеешь?!

— Ох, если бы не выходил я сейчас, показал бы тебе, жулик ты этаный...

— Сам жулик, и дома у тебя жулики!

— Ух...

Трамвай без кондуктора продолжает свой путь...

(«Ниянги», г. Тбилиси)

на молочнишко заработать опять же следует. А как же?! Их тоже обусть-одеть надо. Нет, лучше уж где ни то гайку стащить, чтобы только дело не стояло.

— Гражданин Иванов! Вы же знаете, к чему ведет это отвинчивание. Отвинти две-три гайки — трактор попадет в аварию. Тракторист ведь может погибнуть. Вот вам и жертва. Вы понимаете, что может случиться! Кто тогда в ответе?

— Это мы понимаем...

— Кто это «мы»?

— Механизаторы то есть. Мы ведь не одну-две гайки отвинчиваем, а все как есть, без остатка. И вентиляторный ремень забираем и подшипники. Все под корень, остаются только рожки да ножки. То есть выхлопная труба да колеса. Потому как на складе никаких запчастей нет. Вот так и работаем.

— Хватит, доработайтесь. Я должен взять вас под стражу.

— Как это под стражу? Мне некогда, товарищ следователь, у меня работа на поле стоит. Хлеб-то, его вовремя убрать надо. А коли действительно виноват, можно бы посадить и после уборочной. А ежели вы опасаетесь, что убегу, могу и расписку дать. Зимой другое дело. Делов серьезных нет. Сиди себе на здоровье.

— Как это зимой дела нет? А ремонт машин?

— Да что же ремонт?! Это не ремонт, а одна показуха. Опять же с одного места отвинчиваем, на другое привинчиваем. Для отчета только.

— Замолчите!

— Я и так молчу. А только я к тому это, чтобы хоть расчет получить, ребятишки ведь, товарищ следователь.

— Это меня не касается. Уведите его! Иванова ведут к двери.

— Это что же за порядок?! — бросает у выхода Иванов. — Начальство безобразит, а тракторист — отвечаи! Мы же стараемся, и нас же под стражу. А за хлеб кто отвечать будет?! Нет, ты сначала заведи на склад запчасти, а потом и спрашивай!

(«Шмель», г. Алма-Ата)

Башкирские

народные

умешки

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

Мулла спрашивает шакирда: Что надобно делать, чтобы всевышний простил нам грехи наши тяжкие?

— Совершить тяжкие грехи! — отвечает шакирд, не моргнув глазом.

ОПРАВДАНИЕ

Когда Ильдар вернулся из школы, мать гневно возрылась на него.

— Что ты сделал с шапкой?

Новенькая шапка Ильдара была разодрана в клочья и вываляна в грязи.

— Мальчишки... потупя взор, проговорил Ильдар.

— Оторвали шапку... и стали играть в футбол.

— А ты что делал?

— Я... я-то ..стоял в воротах...

«ЭТО ЖЕ БЫЛ ПАПА!»

Было это в старину. Как тогда водило, родители решили выдать свою дочь за парня, которого девушка и в глаза не видела. Узнав об этом, девушка разрыдалась. А мать принялась утешать ее:

— Брось попусту лить слезы, поживешь — привыкнешь. Бог даст, еще полюбишь суженого. Ведь и меня за твоего отца так же выдавали. Я тоже дуру плакала. А потом капалась.

На что дочь с горечью ответствовала:

— Но ведь это же был наш папа!..

(«Хэнэ», г. Уфа)



Давным-давно в царстве зверей было как-то установлено, что ассортимент тварей все еще невелик. Поэтому издали указ о создании добавочного вида — кенгуру. Согласно проекту, кенгуру должен был стать самым красивым животным — стройным, с пропорциональными формами, с изящными конечностями.

Но создание нового животного уже с самого начала продвигалось очень медленно, и по этому поводу неоднократно поступали критические сигналы.

При проверке оказалось, что на месте, где монтировалось новое животное, царил полный беспорядок. Здесь вперемежку стояли неиспользованные детали разных животных. Спросить тоже было не у кого, так как новый бригадир еще не приступил к работе, а прежнего, которым был белый медведь, рассчитали. Он систематически разворовывал белую краску для косметического ремонта своей шубы.

С этим делом возник скандал. Ведь фактически белая краска предназначалась для кенгуру. Но поскольку при планировании упущили из виду, что покраску кенгуру надо производить уже в первом квартале текущего года, то белая краска, конечно, запоздала, и детали нового животного выкрасили в неопределенный сероватобурый цвет.

Стройные длинные передние конечности кенгуру заменили стандартными заячьими ногами, поскольку промышленность в данный момент выпускала именно такие. Одновременно выяснилось, что была допущена ошибка и в работе проектировщиков, а именно: титульные списки деталей кенгуру и жирафа были перепутаны со списком деталей какого-то третьего, очень крупного животного. Этому большому животному принадлежали шея жирафа и длинные задние конечности кенгуру.

Под конец выяснилось, что сумка, в которой кенгуру носят своих детенышей, является халтурой, оформленной по частному соглашению.

Для устранения недочетов отправились во Дворец львов. Заведующий отделом, солидный лев с начинающей уже редеть гривой, вежливо выслушал всех и вкрадчивым, совсем не начальническим голосом ответил:

— Да, знаете ли... как вы сказали: научные основы комплексного планирования, оперативные математические методы... Все, конечно, правильно. Но просто невозможно так сразу...

— Конечно, конечно, а как же все-таки будет?

— Ну... честно говоря... В настоящее время асигнования на исходе. На первых порах мы, к сожалению, должны пустить кенгуру в производство в таком виде...

Теперь мы знаем, каким образом царство животных получило особь, которая выглядит так, будто она не доделана.

Между прочим, во Дворце львов с того времени ушло на пенсию несметное число заведующих отделами. Несколько дней тому назад новый заведующий встретил в дворцовом саду кенгуру и озабоченно похлопал его по выпяченному задку.

— Знаем, знаем, дорогой кенгуру, какой вопрос вас волнует. Договоримся теперь так, что мы включим вас в план ремонта следующего года. В свое время, известно, допускалось много ошибок. Бывает, бывает...

(«Пиккер», г. Таллин)

Старая костюмерша Анна Петровна сидит в комнатке, увешанной брюками и сорочками, платьями и пиджаками. Одеть актера в нужный костюм — вот и вся задача Анны Петровны. Но это не так просто. Костюм должен быть и обношен и потерт в меру. Все костюмы записаны на специальных картонках. Анна Петровна перебирает их и ворчит:

— Не то теперь внимание к костюму, совсем не то! Прежде, бывало, у Эйзенштейна, царство ему небесное, на картине и латы из музея, и шубы боярские с бриллиантами, и парчовые ризы из Загорска. А Довженко что говорил? «Приготовьте,— говорит,— мне, костюмеры, чистое платье для моих героев. Такое же,— говорит,— чистое, как их мысли». А нынешние режиссеры? Подай им попроще да пообношенней.

Хотя, конечно, прежнего костюма мы боялись, а нынешний любим. Пусть он какой-нибудь пиджаком обношенный, но в нем душа есть. И о себе многое сказать может. Тем более, если его крупным планом подают. Вот, к примеру, нынешняя моя картина — персонаж Коля Хамаев. Кто такой? С первого по одиннадцатый кадр его костюм не значится. Надписи. Пейзажи. С двенадцатого кадра по сороковой — «зауженные брючки, пиджачок с разрезами. Материала дешевый, брюки внизу пообтрепаны. Обшлага рукавов целые». Стиляга. Танцует много, работает мало.

В сорок пятом кадре — «на рубашке следы губной помады». Ну вот в пятидесятом докатился до «рубашки с оторванным рукавом, пиджака со следами грязи». Негодяй!

Стрекоза и Муравей

(Почти по Крылову)

Лишь только солнце прищелкнет,

Как Стрекозу курорт влечет.

Жужжит врачам о злом недуге:

— Мне сердце судорога свела!..

Жучок-супруг твердит подружке:

— Возьми путевку и на юге

Поправь «сердечные дела»...

...Прозулки, танцы, пляж... Так много

Жуков-поклонников кругом,

Что Жук-супруг из носорога

Стал рогами-носом-Жуком...

А ей чего страдать, плутовке!

Румяней стала, здоровей:

Сослался справкам и путевке,

Она «работник Муравей»...

(«Муштум», г. Ташкент)

Александр ИВАНОВ

НЕЧТО НЕИСТОВОЕ (пародия)

Затучило. Замгло. Задожгло. Неистово. Упрямо. Тяжело. (Сергей Островой)

Бесило все. Чего оно хотело? Бесмертье глядело мне в глаза! Оно орало. Пригало. Потело. Вселенная. Медведица. Коза.

А где-то что-то. Падало. Звенело. Дралось между собою две строки. Неистово. Темно. Остервенело. Как кошки. На рыбалке. У реки.

Затучило. Замгло. Задожгло. Забило. Потекло. Заморосило. А сверх того еще заостровило. И это было выше наших сил! («Москва», г. Москва)

Г. ШАХНОВИЧ



ЭСТАФЕТА

Это было в моей ранней юности. Я прочитал афишу: «Большой эстрадный концерт. Новая программа. Спешите!»

Я спешил. Сначала публика терпеливо покашливала. Потом начала нетерпеливо хлопать. И только тогда на сцену вышел радостно улыбающийся конферансье.

Мой сосед, пожилой мужчина, шепнул спутнице:

— Сейчас он скажет: «Извините, товарищи, мы задержались, начали концерт позже, зато мы его окончим раньше».

ПИДЖАК

Семьдесят третий кадр. «Ковбойка. На спине и под мышками темнота от пота». Коллектив, значит, помог.

Девяностр. «Ковбойка выгорела на солнце, просоленное пятно во всю спину. На груди следы от чернил». Взялся за ум. Днем работает, вечером учится. «На ковбойке двух пуговиц нет, локоть защит неумелой крупной стежкой». Холодильная рубашка.

Кадр сто двадцатый. «Ковбойка. На спине мятость, прилипшие травинки». О жизни задумывается. Грустит.

Сто тридцатый — сто сорок девятый. «Рубашка мокрая от дождя. Низ брюк в грязи». Бежит в дождик. Любует.

Сто пятидесятый кадр. «Все пуговицы на ковбойке крепко пришиты. На локте аккуратная латка». Повезло парню. И без губной помады обошлось.

Сто шестьдесят второй. Ты подумай, что люди делают! Опять «рубашка со следами губной помады». Отобей!

Сто шестьдесят девятый. «Модный пиджак, дорогой. Крахмальная сорочка, галстук. Следы губной помады и салата «коливье». Пропал парень. Засосут рестораны.

Сто восьмидесятый. «Костюм импортный,

Укрощение тунеядцев



В колхозе «Серп» идет собрание. Повесть дня: тунеядцы и как с ними бороться.

— Тунеядец вреднее клопа! — шумят ораторы. — Не потерпим тунеядства!

Сосчитали, что в колхозе двадцать восемь здоровенных мужчин не выработали минимуму трудовой. Двадцать восемь, значит, в наличии тунеядцев.

Стали вести разговор, указывая пальцем. В списке первым — Семен. Что надо сделать, чтобы Семен перестал тунеядствовать? Следовало бы его выселить туда, где братцы-тунеядцы учатся работать.

— Семена нельзя выселять, — поднялся Савватий. — Я слышал, что у него где-то что-то болит, может, печенка, а может, и селезенка. Я так думаю: Семену надо бесплатную путевку в лечебные места дать. Побудет на курорте, сердце и все органы у него придут в нормальное состояние, сознательность у него тогда неизбежно повысится, да и совесть заговорит от нашей заботы и гуманизма... Я считаю, тогда он станет трудиться честно, как подобает.

Все знали, что Семен — мужик здоровый: если бы земля имела ручку, он бы тогда землю приподнял. Знали и то, что Савватий — сынок Семена, и поэтому он взял его под защиту. Но Семена все же вычеркнули из списка тунеядцев.

Дальше в списке — Модест. Модеста защитил бригадир.

плащ болонья, шляпа из соломки». Теперь жди суда.

Двести третий. «Костюм порван. Одного рукава нет. Следы крови на рубашке». Не поладил с дружкой своими. Не зря, значит, травинки мял. Понимать начал жизнь.

Двести одиннадцатый. «Больничный халат, белье белое». Дорого ему глупость-то обошлась.

Свести двенадцатого по двести шестидесятый — «четыре больничных халата разной степени обгорелости. Последний весь в клочках». Четыре обгорелых халата — это на подвиг тянет.

Двести шестьдесят шестой. Деталь: «В кармане обгорелого халата детский чулочек». Вспыхнул. Спас, стало быть, ребеночка.

Двести семидесятый. «Обгорелый халат аккуратно заштопан. Пуговицы крепко пришиты». Значит, простила его.

Двести семьдесят второй. «Черный костюм, белая рубашка, белый галстук». Дай бог им счастья! «На ладкане пиджака дырочка». Медаль дали или значок. Медали — это дело реквизитора, меня они не касаются.

— А вы, Анна Петровна, сценарий разве не читали?

— Нет, миленький, зачем? Это писатели считают, что главное — их слова. А я свои пиджаки разложу — передо мной весь фильм, как на картинке. Артист, он, конечно, думает: от него весь успех. А я скажу: верный пиджак, его на какого артиста ни надень, он на любом сыграет.

(«Советский экран», г. Москва)

— Я, — говорит, — недавно разговаривал с Модестом, и он хочет работать. Только ищет более трудную работу; простая для него слишком легка. На ответственном участке — на маслозаводе, говорит, желаю трудиться или же кладовщиком, чтобы о материальном обеспечении всего колхоза заботу проявлять. Я думаю, что Модест прав. Всю жизнь он стоял у руля руководства, громадный опыт в этой части накопил. Не станем же таких опытных руководителей посылать навоз вывозить!

— Ясно, почему ты Модеста защищаешь. Ты каждый праздник у Модеста до бесчувствия пьешь, — подняла голос Мария.

Но ее слова не приняли во внимание. Модеста тоже вычеркнули из списка тунеядцев.

Василия отстоял Прокопий, Ильи — Ульяна. Из двадцати восьми тунеядцев никто не взял под защиту только Григория. Но никто и не знал, где, в каких краях он ныне бродит.

После собрания в колхозе тунеядцев не осталось.

(«Чушканзи», г. Сыктывкар)

— Извините, товарищи, — сказал конферансье специальный «эстрадный» голосом. — Мы задержались, начали концерт позже, зато мы его окончим раньше.

Сказал и выходящее по-смотрел в публику. Публика выходящее посмотрела на конферансье. Но тот, видимо, решил расхотать свое остроумие экономно, чтобы его хватило на всю программу, сухо объявил следующий номер и с достоинством удалился.

После номера конферансье вновь появился на эстраде и...

Музыкальный этюд. — Шепнул мой сосед. — Сейчас мы будем двигать ролями.

Музыкальный этюд. — Как эхо повторил конферансье. — Сейчас мы будем двигать...

Я с удивлением взглянул на проницательного зрителя. — В какой раз вы смотрите этот концерт?

Он печально улыбнулся:

КВАРТИРА С УДОБСТВАМИ

Я получил квартиру. В новом доме. В центре. Со всеми удобствами. Второй этаж... На первом — огромный «Гастроном», сияющий неонem и никелем.

Квартира оказалась действительно хорошей. Потолки соперничали с первым снегом. Пол являл собой идеальную плоскость. С балкона не дуло. В ванной комнате была даже ванна. Счастье казалось полным. Оно требовало своего выражения. Одному это трудно, но жена ушла на работу, соседей я еще не знал, а трехдневный отпуск, взятый по «семейным обстоятельствам» за свой счет, только начинался. К вечеру, когда одиночество стало невыносимым, раздался долгожданный звонок. В мгновение ока я открыл дверь. Передо мной стоял незнакомец. Его лицо показалось мне приветливым и симпатичным.

— Стаканчик можно?..

Я дал стакан, ожидая, что он попросит что-нибудь еще. Когда счастлив сам, хочется, чтобы и другим было хорошо.

— Хватит одного.— Незнакомец улыбался по-прежнему приветливо.— Мы народ не гордый.

Через десять минут он с той же улыбкой возвратил стакан.

Однако не успел я отойти от двери, как опять раздался звонок. Я открыл дверь. Передо мной стоял другой незнакомец.

— Разреши стаканчик...

Я вынес стакан, думая про себя о том, какие интересные случайности бывают иногда в жизни. Два незнакомых человека обращаются к третьему с одной и той же просьбой почти одновременно. Незнакомец трогательно поблагодарил меня, возвращая стакан. Когда раздался третий звонок, я подумал, что пришла с работы жена, но это оказался новый незнакомец. Он молча протягивал мне свою кепку.

— В чем дело? — Я ничего не понимал.

— Бери, бери... В залог за стакан — если не веришь.

После шестого звонка я стал чувствовать некоторое утомление. И лица незнакомцев перестали казаться мне симпатичными. Когда раздался пятнадцатый или шестнадцатый звонок, я тихонько подкрался к двери со стаканом в руке, прислушался. Звонок требовательно заверещал над самым ухом. Я открыл дверь. Это оказалась жена.

— Ты никогда не отличался выдержанностью, — сказала она, отбирая у меня стакан. — Не можешь подождать и часа, чтобы поужинать вместе.

В следующий вечер первый звонок раздался как раз в тот момент, когда я намыленный сидел в ванне. Сами понимаете, я не мог побежать в таком виде к двери. А звонок не унимался. Пришлось на время приостановить водную процедуру. Отмыл мыльную пену, накинул халат, пошел открыл дверь. Передо мной, как и накануне, стоял человек, которого я никогда не видел.

— С легким паром, — поздравил он меня. — Мне бы стаканчик...

Через сутки я решил предупредить события. Взял лист бумаги и написал большими буквами: «СТАКАНОВ НЕТ». Получилось неплохо.

...Звонок еще не прозвенел, но я каким-то шестым чувством угадал, что за дверью кто-то есть. Я не ошибся.

— При... при... вет Ста... ка... нову, — не совсем твердо пробормотал очередной незнакомец.

После того как гуляющий стакан вернулся домой, я, в отчаянии зажав голову руками, опустился на стул...

— От «Гастронома» к тебе ближе всего, — сказал мне сосед, живущий этажом выше. — Пол-литра на троих, а за стаканом к тебе. Известное дело.

Новая квартира уже не радовала. Мне не хотелось возвращаться с работы домой. Стаканы преследовали меня. У меня началась «стаканомания».

И тогда я поместил объявление в газете:

«Меняю отдельную квартиру в центре города, со всеми удобствами, на первом этаже — «Гастроном», на любую, в любом районе. Обязательное условие — магазин «Гастроном» не ближе двух кварталов».

(«Капкан», г. Чебоксары)

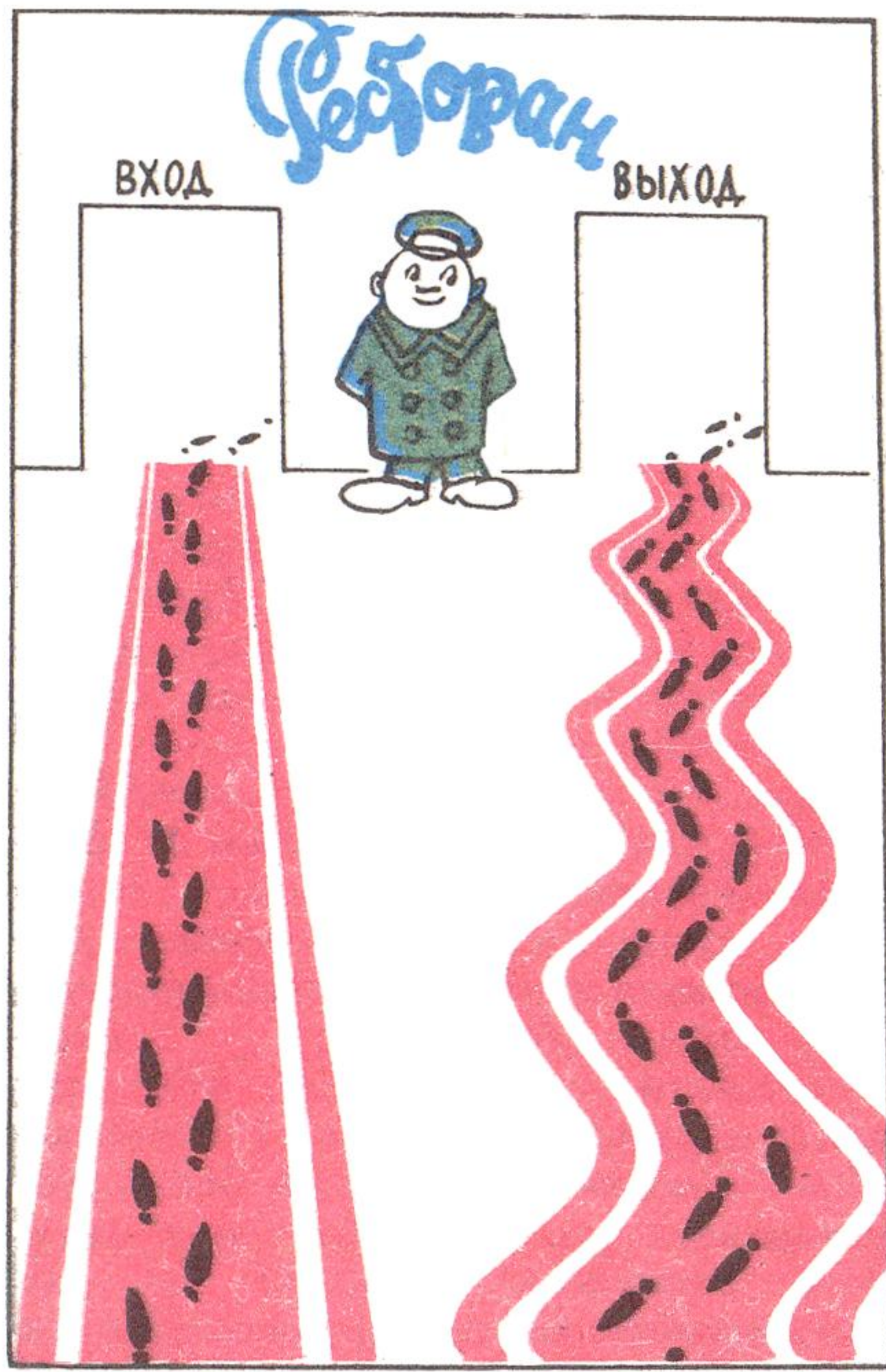
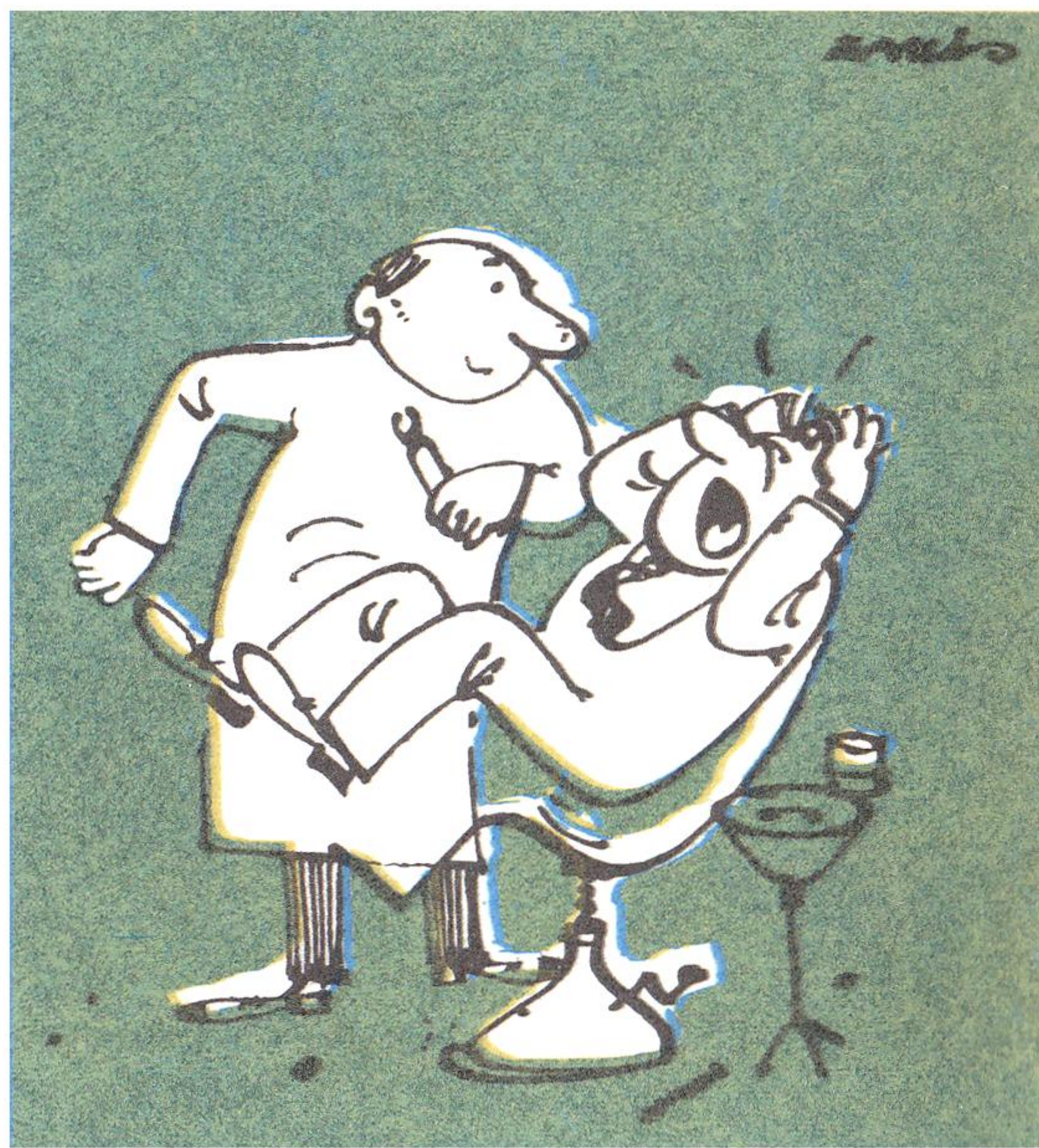


Рисунок Э. ДЫШАЕВА
(«Чаян», г. Казань)



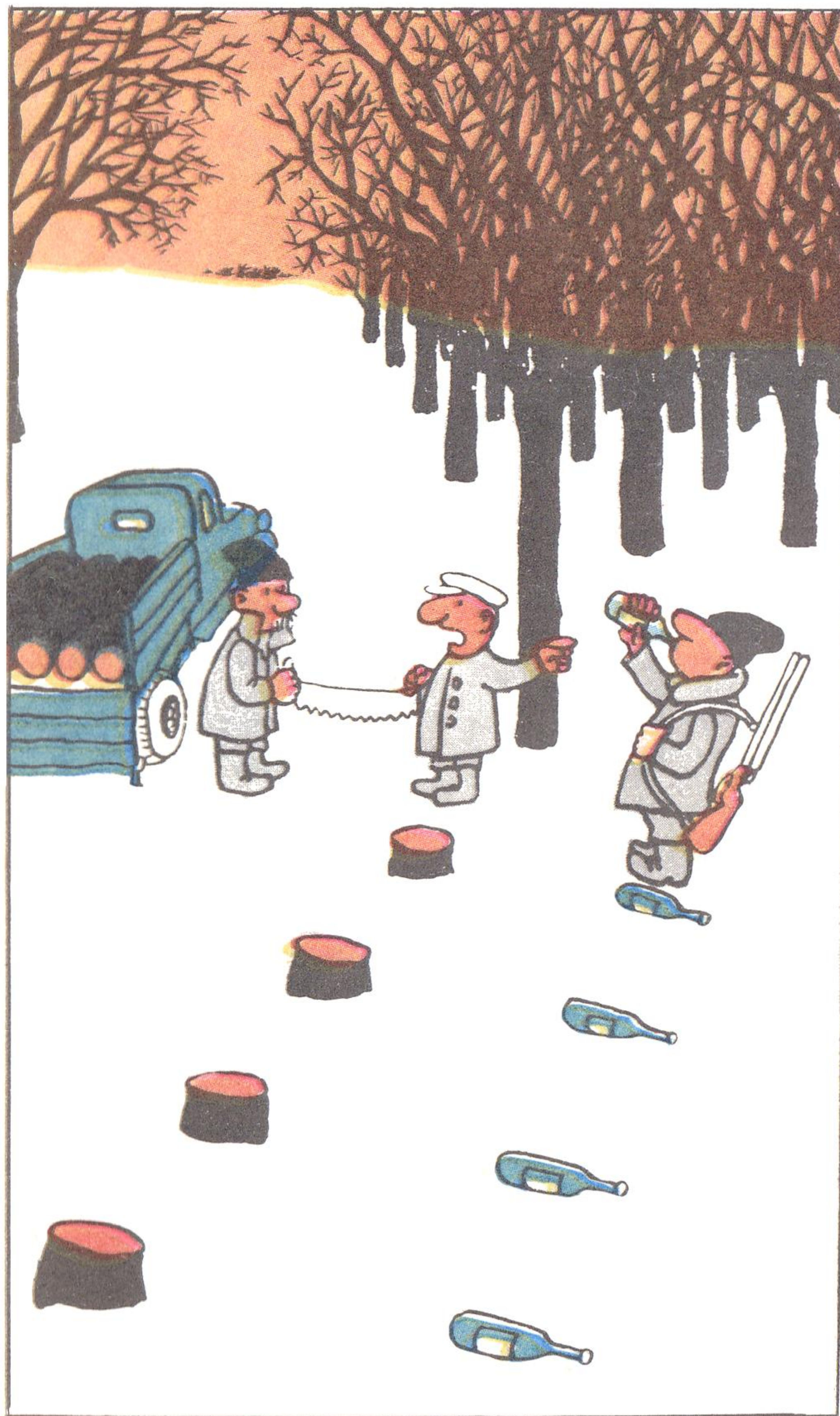
— Вы будете смеяться, но корень вытащить опять не удалось!

Рисунок В. ЗАКИСА («Дадзис», г. Рига)



— Почему вы не полностью использовали срок командировки?
— Пороху не хватило.

Рисунок А. ЛУКЪЯНЕНКО («Шмель», г. Алма-Ата)



— Оказывается, Ион, этот дуб свалить не так просто...

Рисунок А. ГРАБКО («Киперуш», г. Кишинев)



— Прошу выпороть внука, сил моих нет...

Рисунок А. ШТАБЕЛЯ («Хэнэк», г. Уфа)

ПО ПРИВЫЧКЕ...



Я в свое время был начальником отдела кадров. Теперь я пишу рассказы, опираясь на свой богатый опыт и знание жизни. Хочу познакомить вас с моим новым психологическим рассказом. Итак...

В ясный воскресный летний полдень, чистый, как незаполненная анкета, я стоял у окна и, как обычно, наблюдал за жизнью... В 12 часов 22 минуты из дома № 7/3 вышел товарищ МАМКИН Степан Савельевич.

Год рождения — 1922.

Пол — мужской.

Уроженец гор. Киева.

Русский.

Родился в семье служащего.

Беспартийный.

Образование среднее медицинское.

Иностранными языками не владеет.

Партвзысканий нет.

Судимостей нет.

Родственников за границей — есть, брат бабушки, Мамкин Назар Фомич, живет в Аргентине, переписка не поддерживается.

Далее все прочеркнуто...

Настроение у Мамкина было преточичное, словно его с такой анкетой в былые времена приняли на работу в Министерство иностранных дел.

Светило солнышко, хотелось сыграть в домино, и Мамкин сел на лавочку перед врытым в землю столиком в ожидании партнеров...

Через восемь минут рядом с ним уселся партнер. Это был ПАПКИН Михаил Петрович.

Год рождения — 1919.

Пол — мужской.

Уроженец гор. Москвы.

Русский.

Родился в семье попа.

Беспартийный.

Судимостей нет.

Женат.

Жена — Папкина Ольга Федоровна, 1921 года рождения, домохозяйка.

Дети — Папкин Владимир Михайлович, 1940 года рождения, студент; Папкин Николай Михайлович, 1946 года рождения, слесарь...

— Здравствуй, Мамкин! — сказал Папкин.

— Здравствуй, Папкин! — сказал Мамкин.— А вот идет и третий партнер!..

— О-о! — обрадовался Папкин.— Да ведь никак это ТЕТКИН Матвей

Семенович, 1920 года рождения, пол — мужской, уроженец из-под Львова, одессит, родился в семье портного, бухгалтер часовой мастерской «Время работает на нас», холост!..

— Да, это он, — подтвердил Мамкин, — научных работ не имеет, муж двоюродной тетки по отцовской линии похоронен на бывшей оккупированной территории.

И вот их было уже трое. Они зазывающе постукивали по стоу коробки, в которой лежало заветное домино. Трое ждали четвертого, чтобы забить полноценного «козла».

Неожиданно через маленькую ограду дворового сада перепрыгнул рыжеватый паренек.

— Четвертого не надо? — крикнул паренек, подходя к Мамкину, Папкину и Теткину.

Этого паренька я раньше никогда не видел и поэтому ничего больше о нем пока сообщить не могу...

До 15 часов 11 минут все четверо играли в домино. В течение всего этого времени Теткин М. С. держал на коленях кошку МУРКУ, 1963 года рождения, пол — женский, родной язык — кошачий, дед родился в Сиаме (Таиланд).

Пока они не разошлись, я наблюдал за каждым их движением, стараясь ничего не упустить, кое-что записывал и думал: «Какие же они все хорошие, милые люди!.. И как хорошо, что я все о них знаю! И как хорошо, что все хорошо!..»

Сегодня я прочитал свой рассказ в опубликованном виде. Его, как видите, напечатали. Это очень кстати. Потому что у меня было всего два экземпляра. Один экземпляр я отправил в редакцию. Но ведь рукописи не возвращаются... А второй экземпляр я совершенно машинально направил куда следует... Все-таки, может быть, там заинтересуются личностью неизвестного паренька... Да и кошкин дед тоже не внушает доверия.

Представьте себе, что ОТТУДА (!) второй экземпляр мне вернули, даже не читая...

Удивительное дело! ТАМ (!) не читают, а в печати публикуют...

Р. С. На всякий случай подписал я все-таки не свою фамилию. Выдал за рассказ Арканова. Пусть думают, что это юмор.

(«Литературная Россия», г. Москва)



США переманивают за океан английских ученых и инженеров.

КРАСНЫЙ ЦВЕТOK КАРЮБЬЕ

Что это за тип? — спросило человечество, услышав о замысле Яна Смита превратить Южную Родезию в государство-тюрьму. Журналисты дружно бросились к энциклопедиям.

Однако, как ни странно, ни на букву «я», ни на букву «с» ответа не было. На «с» обнаружили статьи о сегрегации и стервятниках, на «я» — о язвах и ядовитых змеях. Казалось бы, где-то рядом должен быть и премьер-расист. Но его не было.

Неудовлетворенное любопытство мучило журналистов всего мира, включая автора этих строк. Наконец мне, кажется, повезло: в руки попался справочник, изданный на английском языке в... Впрочем, неизвестно где, так как обложка справочника была начисто оторвана.

Рассеянно перелистывая книгу, я наткнулся на загадочное слово «карюбье».

Карюбье, сообщалось в справочнике, — ярко-красный африканский цветок, любимое растение Дугласа Колларда Лилфорда (см. Лилфорд).

Разумеется, захотелось прочесть о таинственном Лилфорде.

Лилфорд Дуглас Коллард — богатейший плантатор Южной Родезии. Друг и покровитель Яна Смита. Тесно связан с Гарри Оппенгеймером (см. Оппенгеймер).

И пошло.

Оппенгеймер Гарри — британский финансовый магнат, совладелец компании «Бритиш саут Африка», содержит в ряде стран правительства и подкармливает некоторые политические партии, например, Южно-родезийский фронт (см. Южно-родезийский фронт).

Южно-родезийский фронт — созданная колонизаторами в 1962 году в Южной Родезии полуфашистская партия. Объединяет в основном белых расистов из числа эмигрантов (см. эмигранты).

Эмигранты — переселенцы из других стран, по тем или иным причинам решившие поменять родину. Английские эмигранты в Южной Родезии сгоняли с земель африканцев и после этого называли себя не захватчиками, а просто фермерами (см. фермеры).

Фермеры — большинство из них в Южной Родезии вело себя по отношению к африканцам по-скотски (см. скот.)

Скот — ничего общего со скотским поведением своих хозяев не имеет. В конце концов превращается в мясо с помощью мясников (см. мясники).

Мясники — превращают скот в мясо. В Южной Родезии известен случай, когда сын белого мясника, некто Ян Смит, стал сначала министром финансов, а затем... (см. министр финансов).

Министр финансов — человек, распоряжающийся не только собственным кошельком, но и казной государства. Должен знать четыре действия арифметики (см. арифметика).

Арифметика — в Южной Родезии наука крайне неточная. Белые расисты считают, что 200 тысяч белых — это значительно больше, чем 4 миллиона африканцев. Министр финансов страны Ян Смит (теперь он стал премьер-министром) был всегда с этим согласен. В частности, потому, что в школе основное внимание уделял не арифметике, а регби и стрельбе (см. стрельба).

Стрельба — язык, на котором правительство Яна Смита разговаривает с народом. Когда белые колонизаторы расстреливают чернокожих родезийцев, по улицам течет кровь. Красная, как цветы карюбье (см. карюбье).

Итак, круг замкнулся...

Э. БАСКАКОВ

Кар де МУММА
(Швеция)

КАК У ДРУГИХ МАЛЬЧИКОВ...

Сын сидел в комнате и дулся. Вошла мать, погладила его по голове и спросила:

— Что с тобой, Кристер?
— Все плохо. Повешусь.
— Неприятности в школе?
— Совсем другое, — ответил Кристер. — Я хочу «пирожок».
— Пирожок? — переспросила мать, не понимая.
— Да, у всех ребят есть «пирожки».

Мать вдруг осенило: «пирожок» — это шляпа нового фасона, и если у всех ребят уже есть «пирожки», то не может же ее Кристер жить без «пирожка». Мама обняла своего мальчика и сказала:

— Я поговорю об этом с папой.

— Мать, ты золото! — сказал сын.

Папа в начале разговора не был золотом.

— Хм, хм. Мальчик слишком мал, чтобы носить такую шляпу. Мы в свое время...

— Ну, в твоё время детей даже не пускали одних в рестораны. Не быть же нашему мальчику белой вороной.

Отец отправился с Кристером и купил ему «пирожок». Новомодная шляпа за 35 крон сползала сыну на уши. Папа взял такси: он не хотел, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел Кристера в «пирожке».

Спустя некоторое время сын насупившись сидел в своей комнате. Мать приоткрыла дверь и спросила:

— Что случилось, Кристуска?
— Скука. Повешусь.

— Расскажи, в чем дело, поделись со своей мамочкой. — И она попыталась обнять сына.

— Хочу мопед.

— Мопед?! — воскликнула мать и тут же представила своего Кристера с перевязанной головой, переломанными ногами и руками.

— Да, у других ребят есть мопеды.

Мамочка вздохнула и отправилась к отцу. Он как раз занимался подсчетами квартирной платы за квартал, которая составила 1 652 кроны, включая отопление.

— Кристеру хочется мопед, — осторожно прошептала она.

— Это же безумие!

— Я тоже так думаю, но у других ребят уже есть мопеды. Как наш мальчик будет выглядеть без мопеда?

Спустя неделю после приобретения мопеда сын сидел в комнате чернее тучи. Мать была в полном отчаянии. Она принесла ему рюмку коньяку и предложила:

— Ну, не надо так! Выпей-ка лучше и расскажи своей ма-

мочке, что опять у тебя неладно.

— Все погано. Повешусь.
— Кристер, я хочу знать, что с тобой происходит. Может быть, какая-то девочка сделала тебя отцом?

— Не болтай, мама!
— Ну, тогда скажи, что тебе купить, родненький! Не стыдись своей мамочки, скажи.

Кристер сидел молча. Ему было трудно признаться. Наконец, как пишется в романах, он снял с уст печать молчания:

— У всех мальчиков бороды.

— Бороды! — повторила мама, и перед ее мысленным взором предстали Достоевский, Эмиль Золя и Дарвин.

— Да, я в классе единственный без бороды.

— Милый мой, я поговорю с папой.

— С папой? Я вовсе не собираюсь просить у него разрешения носить бороду.

— Тогда в чем же дело, что тебе мешает?

— Как ты не понимаешь, мама! У меня какой-то пух лезет из подбородка вместо бороды, ты тут ничем не можешь.

— А вот и помогу, милый, — сказала мама и посадила Кристера себе на колени. — Я попрошу доктора впрыснуть тебе гормоны. Я где-то читала...

— Это безнадежно, мать!

— Мальчик мой, я тебя так хорошо понимаю. Ах, если бы я могла что-нибудь сделать для тебя! Но потерпи. Пройдет время — будет у тебя борода. Время шло, и у Кристера действительно постепенно выросла прекрасная борода. Мама гордилась, отец покачивал головой и ворчал:

— Когда я был молодым, у нас только учителя носили бороды, а не ученики...

Бороде не исполнилось и месяца, а Кристер снова сидел в своей комнате с таким видом, словно молния ударила в его мопед.

Мать как бы почувствовала это и заглянула к нему с пачкой сигарет «Честерфильд».

— Давай покурим, родненький, — сказала она. — Ты чем-то опять опечален?

— Теперь все кончено, — ответил Кристер с грустью. — Повешусь.

— Как это «все кончено»?

— Пока я отращивал бороду, мода прошла, и все ребята побрились.

— Да? Ну сбрей и ты свою и будешь точно таким, как все другие мальчики. Я принесу тебе мыло, кисточку и папину бритву.

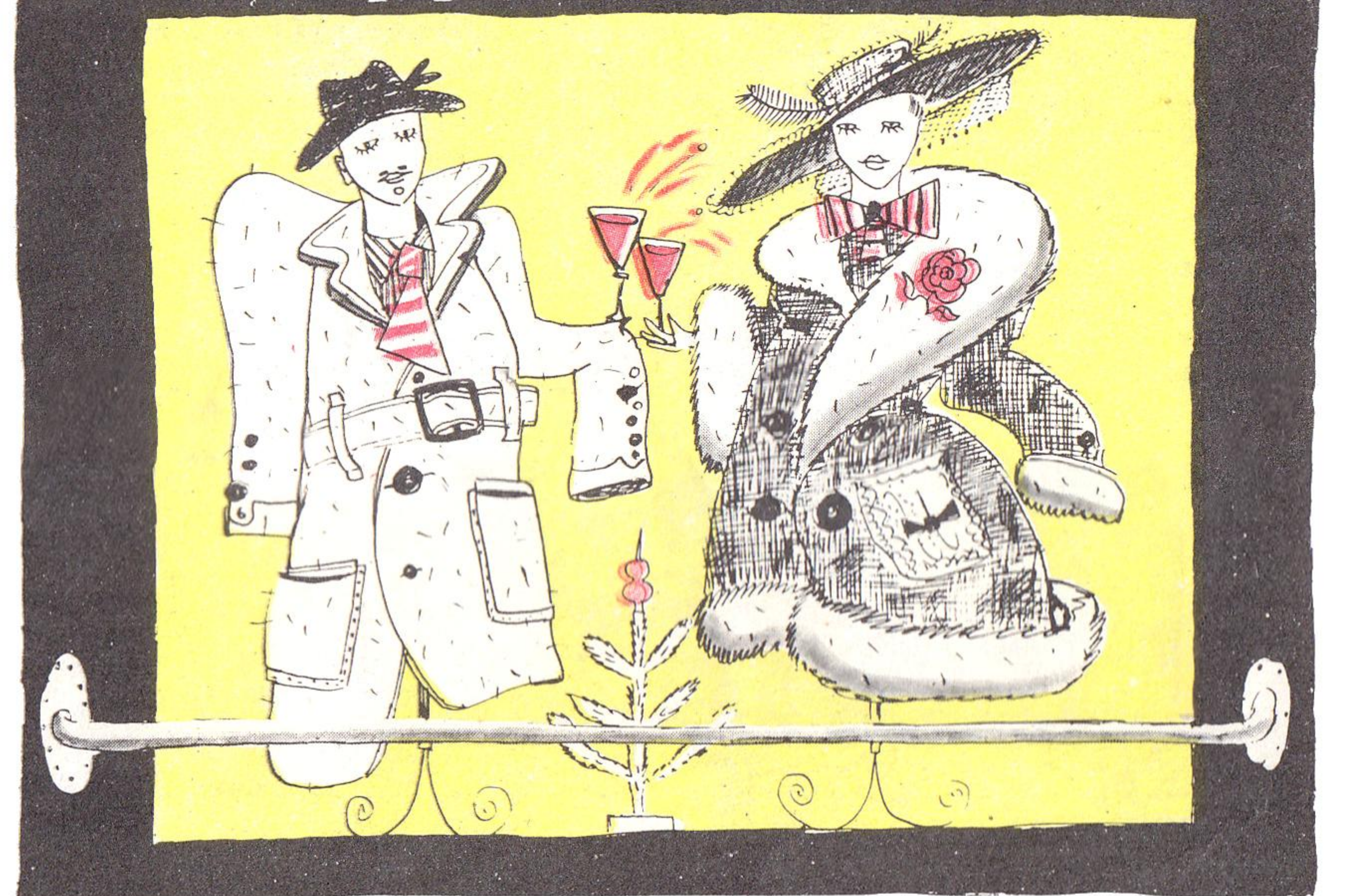
Мама помогла сыну намылиться. Брил его папа. Сам Кристер бриться еще не умел.



— Заблудились в новом жилом районе!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ОДЕЖДА



— За хорошее качество в новом году!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО



— Мама, посмотри на нашу синтетическую елочку!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА



Полет английской научной мысли.

Рисунок А. КРЫЛОВА

«ЗАВТРА СОСТОИТСЯ ЗАСЕДАНИЕ МЕСТКОМА. ПОВЕСТКА ДНЯ: ЗАТВЕРЖДЕНИЕ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ К ПРАЗДНИКУ».

(Из объявления.)
Прислала З. СИЗОВА.

г. Рига.

«КАФЕ «УЛЫБКА» ЗАКРЫВАЕТСЯ ЗА 30 МИНУТ ДО ЗАКРЫТИЯ».

Списал В. ВОЛОСАТОВ.
г. Новосибирск.

«Сегодня организуется мойка туристов. С 10 до 14 час. моются женщины первой и второй категорий, с 14 до 18 час. — женщины третьей и четвертой категорий. Мужчины всех категорий моются в те же часы».

(Объявление на туристском теплоходе.)
Прислал Б. РУНЦОВ.
г. Шуя.

«Сегодня женская баня не состоится. Мужская будет в воскресенье, ввиду того, что банщица внезапно вышла замуж, не предупредив никого».

Списал Г. МАТЮШИН.
Карельская АССР.

УРАН | Верьте мне, люди! 19.50.18
Хотите-верьте, хотите-нет 12.20.10, 21.45

Доставил Ю. АРЖАНОВ.

г. Москва.



— Скажете маме, что приходила Снегурочка с подарками!

Рисунок М. БИТНОГО

«Рабочим, у которых высокая культура, необходимо обломать листья до самого верха. В противном случае будут вырублены огородной комиссией».

Прислал А. ПАВЛОВСКИЙ.
Краснодарский край.



«ПРИЕМ УСКОРЕННОГО БЕЛЬЯ».

(Объявление в механической прачечной № 1.)
Списал Ю. ШТОНДА.
г. Омск.

«БИБЛИОТЕКА КНИГИ ВЫДАВАТЬ НЕ БУДЕТ, ПОКА ВСЕ ЗЛОСТНЫЕ ЧИТАТЕЛИ НЕ СДАДУТ КНИГИ».

Копию снял Т. БЕЗИН.
г. Хабаровск.

В кинолектории ФИЛЬМЫ О ЗДОРОВЬЕ
Художественный фильм „ЖИВОЙ ТРУП“ (1 с. 1 серия)
Начало в 21 час.

г. Таганрог. Доставил В. СЕРИК.

УСТАНАВЛИВАЙ ПРОЧНО НОГИ,
УСТАНАВЛИВАЙ ЛОВКО РУКИ,
ЧЕТКО И ЭКОНОМНО СТРОЙ ТРУДОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ—
сложится хорошая установка в голове для работы.

(Плакат, выпущенный ЦВТИ Черноморского совнархоза.)
Прислал В. ДОЛГИЙ.
г. Одесса.



Фото В. МАРЧЕНКО
и Е. ЗВЕРОДУЕВА
г. Кривой Рог.

Шахтинская дистанция пути Северо-Кавказской железной дороги

ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ

руководителей предприятий, водителей грузового транспорта и граждан, имеющих скот, о том, что

ЗАПРЕЩАЕТСЯ

нахождение в пьяном виде на станциях, вокзалах и в поездах.

(Газета «Знамя шахтера».)
г. Новошахтинск.

«ГРАЖДАН ПО РАЗБОРУ ДЕЛ ТОВАРИЩЕСКИМ СУДОМ СДАВАТЬ В ДОМОУПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ИХ ПЕРЕДАЧИ СЕКРЕТАРЮ СУДА».

Списал И. МАРКУЦИН.
г. Баку.



«Кошки, замеченные впредь, будут без предупреждения подвергаться задержанию по линии содействия пенсионеров-добровольцев и отправке последних в научно-исследовательские учреждения для опытов, а жильцы, заявившие об этом, не будут приниматься во внимание».

Комитет содействия при ЖЭК.
Прислал В. ФЕОНОВ.
г. Москва.



г. Маркс.

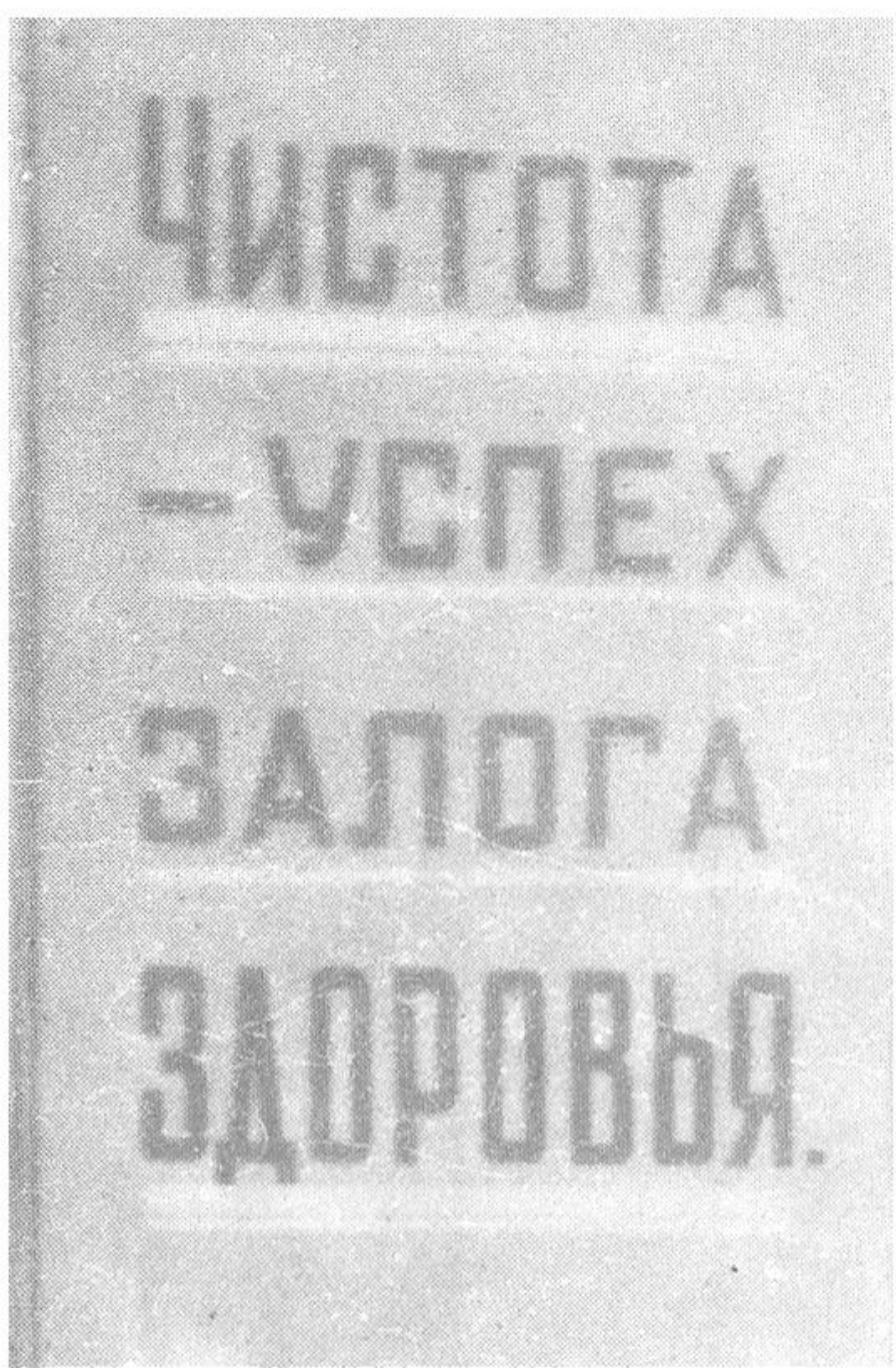


Фото Е. БЕРНШТЕЙНА.
г. Бердичев.

«Жильцам, проживающим в коммунальных квартирах, разрешается производить любые стуки в стены до 21 часа. Лица, нарушающие установленный порядок, будут оштрафованы».

Домоуправление.
Доставил А. ПОРТНОЙ.
г. Гомель.

Прислала Е. БУРМИСТРОВА.

Крокодильские премии



А. Голуб



Б. Данелия



Е. Матвеев



А. Ходанов

Снова прошел год. Вышли тридцать шесть номеров журнала. И снова Крокодил отмечает премиями лучшие произведения, напечатанные на его страницах в этом году.

После жарких дебатов общественное жюри в составе В. Бахнова (председатель), Ю. Мартынова, Б. Привалова, С. Шатрова, Е. Шукаева, Б. Юдина присудило премии:

А. ГОЛУБУ и Б. ДАНЕЛИЯ за фельетон «Сага об офсайдах» (№№ 31, 32, 33).

Е. МАТВЕЕВУ за репортаж «Черные, рыжие, золотые пески» (№ 10).

А. ХОДАНОВУ за репортаж «На самых дальних наших островах...» (№ 28).

А. БЕЗЫМЕНСКОМУ за стихотворный фельетон «Во главе» и «лично» (№ 1).

Б. СИБИРЯКОВУ за стихотворение «Походишь по инстанциям...» (№ 18).

Ю. ГАНФУ за рисунок «Загробный мир в представлении боннской юстиции» (№ 4).

Е. ЩЕГЛОВУ за рисунок «— Когда будете в следующий раз брать обязательства, меньше кричите и не бейте себя в грудь...» (№ 5).

А. ЦВЕТКОВУ за рисунок «— Последний кормилец уехал...» (№ 25).

В. ЖАРИНОВУ за тему к рисунку «— Отдайте на поруки, мы из нее лимонад сделаем!» (№ 33).

А. ГРУНИНУ за тему к рисунку «Расстроилась...» (№ 17).



А. Безыменский



Б. Сибиряков



Ю. Ганф



Е. Щеглов



А. Цветков



В. Жаринов



А. Грунин

Что нового в сатирическом цехе

МОСКВА. «Молодая гвардия» издала сборник изюшток комсомольского работника И. Ермишина «Смешины».

Филиал Малого театра поставил «грустную комедию» Эдуардо де Филиппо «Рождество в доме синьора Купьелло».

В Театре имени Гоголя состоялась премьера сатирической комедии французского драматурга Жана Ануяля «Ужин в Санлисе».

Издательством «Художественная литература» выпущена книга «Искусство фельетона». Автор Е. Журбина.

ГОРЬКИЙ. Вышли из печати сатирические стихи, дружеские шаржи и пародии М. Стоичина «Давайте не будем!».

КИЕВ. «Мистецтвом» издан репертуарный сборник зарубежной сатиры «Друзья смеются».

РИГА. Издательство «Лиесма» предложило читателям сборник атеистической сатиры Я. Гаше-

ка «Борьба за души» на латышском языке.

БРЯНСК. В областном драматическом театре идет новая комедия дальневосточного драматурга В. Шаврина «Девушки с улицы Надежды».

ИРКУТСК. Театр юного зрителя показал школьникам комедию С. Прокофьевой «Приключения желтого чехоманчика».

БАКУ. В «Азернешре» вышли фельетоны Ш. Фарзалиева «О нас самих».

Очередная премьера Азербайджанского театра музыкальной комедии — «Не спорь». Либретто Х. Мамедова, музыка А. Рзаевой и И. Гулиева.

АШХАБАД. Сатирические рассказы и фельетоны А. Аннабидиева «В ночь отпущения грехов» изданы «Туркменистаном».

АЛМА-АТА. Среди новинок издательства «Жазушы» — сборник сатирических стихов и басен С. Жамангараева.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86.

Издательство «Правда».

А 02473. Изд. № 2112. Подписано к печати 18/ХП 1965 г. Формат бум. 70×108½. Тираж 2 900 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л. Заказ 3460.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



В С Т Р Е Ч А Ю Т П О В С Е Й Ф О Р М Е...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА